53.—«Библіотека Русскаго Пролетарія».—№ 53.

G. Koukline. — «Les Petrachevtzy».

Пров

Prix: 15 коп., 40 cent.

1 экз
РСДРП
К

Г. А. КУКЛИНЪ.

ПЕТРАШЕВЦЫ.

ЖЕНЕВА
Изданіе Г. А. Куклина.
15, rue de Candolle.
1905.

Поступили въ продажу слѣдующія изданія «Библіотеки Русскаго Пролетарія»:

А. БЕБЕЛЬ. — «**О Бернштейнѣ**».
Цѣна 80 коп., 2 фр.

А. БЕБЕЛЬ. — «**Женщина и Соціализмъ**».
Цѣна 2 руб., 5 фр.

К. КАУТСКІЙ.—«**Классовые интересы**».
Цѣна 15 коп., 40 сант.

Ф. ЛАССАЛЬ. — «**Глассный отвѣтъ центральному комитету**». Цѣна 20 коп., 50 сант.

Ф. ЛАССАЛЬ. — «**О сущности конституціи**.
Цѣна 15 коп., 40 сант.

В. ЛИБКНЕХТЪ.—«**Отъ обороны къ нападенію.**»
Цѣна 30 коп., 80 сант.

В. ЛИБКНЕХТЪ.—«**Рѣчь о налогахъ**».
Цѣна 10 коп., 25 сант.

К. МАРКСЪ.—«**Гражданская война во Франціи (1870-1871 г.)**». Цѣна 40 коп., 1 фр.

К. МАРКСЪ.—«**Наемный трудъ и капиталъ**».
Цѣна 20 коп., 50 сант.

К. МАРКСЪ.—«**Первы манифестъ международнаго товарищества рабочихъ.**»
Цѣна 8 коп., 20 сант.

К. МАРКСЪ и Ф. ЭНГЕЛЬСЪ. — «**Манифестъ коммунистической партіи.**»
Цѣна 15 коп., 40 сант.

„Пров 45" 6

№ 53 — «Библіотека Русскаго Пролетарія» — № 53

К

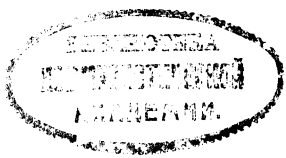
Г. А. КУКЛИНЪ.

ПЕТРАШЕВЦЫ.

ЖЕНЕВА
Изданіе Г. А. Куклина.
15, rue de Candolle.
1904

Обращаюсь съ просьбой къ читателямъ прислать мнѣ или указать гдѣ можно достать карточки Николая Спѣшнева, Николая Момбелли, Дмитрія Ахшарумова и другихъ петрашевцевъ, а также показанія самого Петрашевскаго и его письма.

Г. Куклинъ.



ПЕТРАШЕВЦЫ.

Въ ночь съ 22-го на 23-е апрѣля 1849 г. арестованы были въ Петербургѣ Михаилъ Васильевичъ Буташевичъ-Петрашевскій, Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій и его братъ Михаилъ Михайловичъ, Иванъ Ястржемскій, Николай Кашкинъ, Феликсъ Густавовичъ Толь, Василій Андреевичъ Головинскій, Сергѣй Федоровичъ Дуровъ, Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ, Алексѣй Алексѣевичъ Кузьминъ и мн. др. На другой день взяты: Константинъ Тимковскій, Александръ Ханыковъ, Александръ Европеусъ, Черносвитовъ и др. Закрытъ книжный магазинъ Люри и полиціей взято около 2.500 томовъ запрещенныхъ сочиненій иностранныхъ соціалистовъ. Кромѣ того по всей Россіи произведено масса обысковъ и арестовъ и привлечено къ допросамъ болѣе 230 человѣкъ.

Всѣ эти аресты произведены по такъ называемому дѣлу Петрашевскаго или петрашевцевъ, и арестованные обвинялись въ составленіи тайнаго противуправительственнаго общества или въ принадлежности къ нему. Въ доказательство существованія такого общества, слѣдственная комиссія указывала на слѣдующую *обязательную подписку, найденную 19 мая 1849 г. въ бумагахъ Николая Спѣшнева, его рукой писанную:*

«Я нижеподписавшійся, добровольно, по здравомъ размышленіи и по собственному желанію, поступаю въ русское общество и беру на себя слѣдующія обязанности, которыя въ точности исполнять буду:

«1) Когда распорядительный комитетъ общества, сообразивъ силы общества, обстоятельства и представляющійся случай, рѣшитъ, что настало время бунта, то я обязываюсь, не щадя себя, принять полное, открытое участіе въ возстаніи и дракѣ,—т. е., что, по извѣщенію отъ

комитета, обязываюсь быть въ назначенный день, въ назначенный часъ въ назначенномъ мѣстѣ, обязываюсь явиться тогда и тамъ, вооружившись огнестрѣльнымъ или холоднымъ оружіемъ, или тѣмъ и другимъ, не щадя себя, принять участіе въ дракѣ и какъ только могу способствовать успѣху возстанія.

«2) Я беру на себя обязанность увеличивать силы общества, пріобрѣтеніемъ обществу новыхъ членовъ. Впрочемъ, согласно съ правилами русскаго общества, обязываюсь самъ лично болѣе пяти афильировать.

«3) Афильировать, т. е. присоединить къ обществу новыхъ членовъ обязываюсь не наобумъ, а по строгомъ соображеніи и только такихъ, въ которыхъ я твердо увѣренъ, что они меня не выдадутъ, еслибы даже и отступились послѣ отъ меня; что они исполнятъ первый пунктъ и что они дѣйствительно желаютъ участвовать въ этомъ тайномъ обществѣ. Вслѣдствіе чего и обязываюсь съ каждаго мною афильированнаго взять письменное обязательство, состоящее въ томъ, что онъ перепишетъ отъ слова до слова сіи самыя условія, которыя и я здѣсь даю, всѣ съ перваго до послѣдняго слова, и подпишетъ ихъ. Я же, запечатавъ оное его письменное обязательство, передаю его своему афильетору для доставленія въ комитетъ, тотъ своему и такъ далѣе. Для сего я и переписываю для себя одинъ экземпляръ этихъ условій и храню его у себя, какъ форму для афильяціи другихъ.»

Другимъ доказательствомъ существованія тайнаго общества служили доносы Петра Антонелли и докладъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Липранди, которому министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій *) поручилъ надзоръ за Петрашевскимъ еще въ мартѣ 1848 года. Поводомъ къ надзору послужила литографированная записка Петрашевскаго «о способахъ увеличенія цѣнности дворян-

*) Этотъ самый министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій, во время своей юности былъ, по словамъ Андрея Розена однимъ изъ основателей «Союза Благоденствія» и членомъ «Сѣвернаго Общества». Онъ вмѣстѣ съ княземъ И. А. Долгорукимъ и И. А. Бибиковымъ былъ освобожденъ отъ суда по молодости лѣтъ и занявъ впослѣдствіи постъ министра не стѣснялся, какъ видно уничтожать все то, чему раньше поклонялся. *Г. К.*

скихъ или населенныхъ имѣній», которая была авторомъ отлитографирована въ 200 экземплярахъ и роздана въ началѣ марта 1848 г. петербургскимъ дворянамъ во время губернскихъ выборовъ. Мы нигдѣ не могли достать этой записки, ни даже изложенія ея взглядовъ и намъ приходится довольствоваться отзывомъ слѣдственной комиссіи въ ея докладѣ. По словамъ доклада авторъ записки выходитъ «совершенно изъ предѣловъ, допускаемыхъ закономъ. Напримѣръ, Петрашевскій полагаетъ гибельнымъ для общественнаго благосостоянія вообще предоставленіе права владѣнія населенными землями и желаетъ введенія у насъ нѣкоторыхъ правилъ существующихъ въ Пруссіи, Польшѣ и Франціи, пишетъ, что мѣры эти дадутъ возможность крестьянамъ быть обязанными своему труду и благоразумію, а не странному пожертвованію другихъ, — своимъ освобожденіемъ, что нравственная сторона этой мѣры, какъ развивающая духъ предусмотрительности въ низшемъ классѣ, весьма важна, какъ благонадежное средство приготовленія сихъ классовъ къ пользованію дарами гражданской свободы. Онъ хочетъ улучшенія формъ судопроизводства и надзора за административными и исполнительными властями, полагая, что всѣ сіи мѣры развиваютъ нравственныя и матерьяльныя силы въ народѣ, находящемся нынѣ въ дремотномъ состояніи». Липранди по порученію Перовскаго досталъ эту записку. Перовскій сообщилъ о ней шефу жандармовъ графу Орлову и оба они рѣшили, что «это должно быть плодомъ тайнаго обдуманнаго предначертанія». 10 марта было возложено на Липранди собираніе свѣдѣній о Петрашевскомъ, «при чемъ агенты III Отдѣленія вовсе не должны были участвовать въ этомъ дѣлѣ».*)

Михаилъ Васильевичъ Петрашевскій сынъ Василія Михайловича, петербургскаго штадтъ-физика, родился 1-го ноября 1821 года. Послѣ окончанія въ 1839 году курса въ Александровскомъ лицеѣ поступилъ въ университетъ на юридическій факультетъ, который и кончилъ въ 1841 году со степенью кандидата. Поступивъ въ слѣдующемъ году на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ Петрашевскій не сдѣлался чиновникомъ и не потерялъ связи въ студенческой средѣ.

*) В. Семевскій. «Изъ исторіи общественныхъ идей въ концѣ 40-хъ годовъ.» (На славномъ посту.)

Еще будучи студентомъ, онъ имѣлъ обыкновеніе записывать свои мысли въ тетрадь подъ заглавіемъ: «Мои афоризмы или обрывочныя понятія обо всемъ, мною самимъ порожденныя.»

«Государства—писалъ онъ въ этой тетради—должны быть основаны по народамъ, отношенія же между народами должны быть, какъ Штаты Сѣверной Америки или провинціями одного и того же государства. Пошлинъ и государственныхъ сборовъ не должно существовать. Промышленности должна быть дана полная свобода, чтобы цѣль назначенія человѣчества была постигнута, и люди сознавали, что они люди. Правленіе должно быть представительное, республиканское. Тѣ огромныя войска, которыя нынѣ содержатся, были бы ненужны, ибо война не должна бы имѣть мѣста. Въ религіи: совершенная терпимость...»

Этимъ идеямъ онъ не измѣнялъ никогда и до конца дней своихъ остался ярымъ республиканцемъ и сторонникомъ самой широкой терпимости.

Занявшись литературною дѣятельностью и пополняя свое образованіе чтеніемъ научныхъ книгъ и произведеній такихъ авторовъ, какъ Сенъ-Симонъ, Фурье, Кабэ, Луи-Бланъ, Ламменэ, О. Контъ, онъ приступилъ въ 1844 году къ составленію «Карманнаго словаря иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка.» Въ это время около Петрашевскаго уже группировался небольшой кружокъ лицъ солидарныхъ съ нимъ во многихъ взглядахъ и помогавшихъ ему въ составленіи словаря. Ближайшее участіе въ этомъ дѣлѣ принималъ извѣстный нашъ критикъ Валерьянъ Майковъ. Въ этомъ «Карманномъ словарѣ», первый выпускъ котораго былъ изданъ въ 1845 г., а второй въ 1846 г., отразились, какъ совершенно правильно утверждаетъ В. Войновъ*), всѣ воззрѣнія единомышленниковъ Петрашевскаго, воспитанныхъ на изученіи Фурье. Сотрудники словаря отрицательно относились къ конституціи и называли ее «аристократіей богатства», на первый же планъ они выдвигали вопросы соціальные и экономическіе. «Защитники конституціи**) забываютъ, что человѣческій характеръ заключается не

*) Авторъ статьи о Петрашевскомъ въ «Русскомъ Біографическомъ Словарѣ.»

**) «Конституція», Карм. Слов., вып. I.

въ собственности, а въ личности, и что, признавъ политическую власть богатыхъ надъ бѣдными, они защищаютъ самую страшную деспотію!»

Нормально развитымъ обществомъ они называли такое, «которое доставляетъ всякому изъ членовъ своихъ средства для удовлетворенія ихъ нуждъ соотвѣтственно потребностямъ»*). Они также отрицательно относились къ семьѣ въ ея современной формѣ и считали «установленіе формы брака болѣе результатомъ столкновенія случайностей. общественныхъ, политическихъ и экономическихъ нуждъ извѣстныхъ народовъ и ихъ религіозныхъ предубѣжденій, нежели дѣломъ полнаго сознанія истинныхъ потребностей природы человѣческой» **). Отличительной чертой всѣхъ тѣхъ положительныхъ нравоученій, которыя основываются на религіозныхъ ученіяхъ есть, по ихъ словамъ, «односторонность или исключительность и нетерпимость»***).

«Ученіе Христово ****) въ первобытной чистотѣ своей нанесло сильный ударъ всевозможнымъ пиѳіямъ и прорицателямъ, изобличило ихъ хищничество, коварство и деспотизмъ, и въ противоположность тому являя примѣръ безкорыстія, братолюбія, имѣя основнымъ догматомъ милосердіе, *а цѣлію водвореніе свободы и уничтоженіе частной собственности******), съ каждымъ днемъ привлекало къ себѣ новыхъ сподвижниковъ. Какъ ни прекрасно начало сего ученія, но оно еще не получило нормальнаго развитія...»

Словарь этотъ вскорѣ привлекъ къ себѣ благосклонное вниманіе правительства Николая I и былъ по его приказанію уничтоженъ, такъ какъ «наполненъ ядомъ соціализма, коммунизма и прочихъ современныхъ безумствъ».

Мы уже говорили о томъ, что около Петрашевскаго группировался кружокъ лицъ ему сочувствовавшихъ. Кружокъ этотъ постепенно расширялся и даже впослѣдствіи разбился на цѣлый рядъ кружковъ. Главнымъ, конечно, постоянно оставался кружокъ Петрашевскаго. Въ 1845 г

---

*) См. статью «Нормальное состояніе» во 2-мъ выпускѣ «Карм. словаря иностранныхъ словъ» Кириллова.

**) «Бракъ», ibid вып. 1.

***) «Мораль», ibid вып. 2.

****) Стр. 294 (статья «Оракулъ»), вып. 2.

*****) Курсивъ автора статьи.

Петрашевскій устроилъ въ своей квартирѣ по пятницамъ вечера, гдѣ собирались члены кружковъ и толковали на разныя темы, живо трогавшія тогдашнюю молодую интеллигентную молодежь. Такія же собранія происходили иногда у Плещеева, Кузьмина, Бѣлецкаго, Ир. Введенскаго, Европеуса, Нагорнаго, Кашкина, Пальма, Дурова и Момбелли. «Иногда кѣмъ-либо изъ спеціалистовъ дѣлалось сообщеніе въ родѣ лекціи*): Ястржембскій читалъ о политической экономіи; Данилевскій — о системѣ Фурье», читались разныя нелегальныя русскія изданія, ходившія въ рукописяхъ. Въ цѣляхъ пропаганды была устроена библіотека**), изъ соціалистическихъ книгъ и книгъ запрещенныхъ цензурой. Члены кружковъ платили опредѣленную плату для выписки книгъ въ библіотеку.

На пятницахъ Петрашевскаго бывало иногда до 50 человѣкъ и онѣ пользовались широкой извѣстностью въ Петербургѣ***). Знаменитый впослѣдствіи піанистъ Рубинштейнъ по своемъ пріѣздѣ изъ за-границы попалъ какъ разъ въ этотъ день къ Петрашевскому. «Большое собраніе—пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ—мужчинъ —молодыхъ и пожилыхъ, военныхъ и статскихъ нашелъ я у Петрашевскаго... Спрашиваю о немъ; мнѣ отвѣчаютъ: — подождите-увидите, насъ всѣхъ позовутъ. Наконецъ, раздается звонокъ, распахиваются двери и мы входимъ въ большую комнату, гдѣ передъ эстрадою стоитъ рядъ стульевъ... На эстраду входитъ мужчина съ бородой и начинаетъ читать что-то въ родѣ соціалистическаго и коммунистическаго трактата...» Рубинштейнъ конечно былъ крайне удивленъ слышать свободное слово въ Россіи. Мы привели этотъ отрывокъ, чтобы показать насколько свободенъ былъ доступъ на пятницы Петрашевскаго для лицъ ничего общаго съ кружками не имѣвшихъ и этимъ конечно объясняется съ одной стороны ихъ извѣстность и популярность, а съ другой проникновеніе на эти собранія безъ всякаго затрудненія агента тайной полиціи П. Д. Антонелли. Этотъ Антонелли имѣлъ возможность быть на шести послѣднихъ собраніяхъ, видѣть всѣхъ

*) Д. Д. Ахшарумовъ, «Изъ моихъ воспоминаній». (Вѣстникъ Европы, 1901 г. № 11.)

**) «Библіотека соціальныхъ книгъ на общія деньги»; распорядителемъ ея былъ самъ Петрашевскій.

***) Описаніе пятницъ Петрашевскаго можно найти въ «Запискахъ» В. Р. Зотова и въ «Воспоминаніяхъ» ген.-лейт. П. А. Кузьмина.

собравшихся и слышать ихъ разговоры и рѣчи. Главнымъ образомъ на основаніи его доносовъ и были произведены обыски и аресты. Объ обществѣ Петрашевскаго, какъ мы будемъ для удобства называть всѣ кружки группировавшіеся вокругъ Михаила Васильевича, ходили въ правительственныхъ сферахъ преувеличенные слухи. Объ этомъ свидѣтельствуютъ между прочимъ слѣдующія слова императора Николая, сказанныя имъ на другой день послѣ ареста петрашевцевъ при пріемѣ членовъ Государственнаго Совѣта:

«Не знаю, ограничивается ли заговоръ тѣми одними, которые схвачены, или есть кромѣ нихъ, и другіе, даже, можетъ быть, кто и изъ *нашихъ*. Слѣдствіе все это раскроетъ. Знаю только одно: что на полицію тутъ нельзя полагаться, потому что она падка на деньги, а на шпіоновъ—еще меньше, потому что продающій за деньги свою честь способенъ на всякое предательство.»

Липранди въ своемъ докладѣ въ «высочайше утвержденную комиссію о злоумышленникахъ» говоритъ: «Я никакъ не могъ остаться при мысли, чтобы злоумышленное общество даже и здѣсь состояло изъ тѣхъ только лицъ, которыхъ агентъ мой видѣлъ и слушалъ въ собраніяхъ Петрашевскаго въ послѣднія шесть пятницъ. Это казалось мнѣ невозможнымъ уже потому одному, что въ тѣхъ собраніяхъ каждый разъ являлись новыя лица, и при томъ изъ разговоровъ ихъ было видно, что съ ними въ большей или меньшей прикосновенности находились разные люди, которыхъ въ эти шесть пятницъ на лицо не было.»

Кромѣ того, по словамъ того же Липранди, «обозначилось, что люди принадлежащіе къ наблюдаемому обществу находились и внѣ столицы, въ разныхъ провинціяхъ, и объ нихъ здѣшніе сочлены ясно говорили, что имъ поручено вездѣ стараться сѣять идеи, составляющія основу ихъ ученія, пріобрѣтать обществу соумышленниковъ и сотрудниковъ и такимъ образомъ приготовлять повсюду умы къ общему возстанію. Бумаги, арестованныхъ лицъ обнаружили, что подобными миссіонерами были: въ Тамбовѣ—Кузьминъ, въ Сибири—Черносвистовъ, въ Ревелѣ—Тимковскій, въ Москвѣ—Плещеевъ, въ Ростовѣ—Кайдановъ, и пр... Въ письмахъ изъ Ростова, Кайдановъ говоритъ о своей паствѣ, для которой онъ переводитъ на русскій языкъ сочиненія Рудермана о соціализмѣ, на

томъ основаніи, чтобы доставить возможность прочитать его и тѣмъ, кто не знаетъ нѣмецкаго языка; онъ выписываетъ и читаетъ: Консидерана, Фурье, Прудона, Луи-Блана, С. Симона, Кабэ, журналъ Фаланга, La guerre des passions, Les trois nuits internes и т. п., говоритъ, «что онъ совершенно убѣжденъ въ истинѣ и исполнимости ученія Фурье, вовсе не считая себя обязаннымъ свято вѣрить à toutes les extravagances de notre maitre и проч., благодаритъ (присылающихъ ему въ Ростовъ помянутыя книги), за насыщеніе хлѣбомъ духовнымъ его и всей здѣшней (Ростовской) небольшой паствы...» Паства эта, незнающая иностранныхъ языковъ должна была по мнѣнію Липранди «состоять изъ мѣстныхъ городскихъ обывателей средняго класса, уѣздныхъ чиновниковъ, а также и самыхъ купцовъ и мѣщанъ.*)

Говоря о намѣреніяхъ членовъ общества, Липранди продолжаетъ: «У нихъ видны намѣренія дѣйствовать рѣшительно, не страшась никакого злодѣянія, лишь бы только оно могло привести къ желаемой ими цѣли. Но не всѣ были таковы. Наибольшая часть членовъ предполагали идти медленнѣе, но вѣрнѣе, и именно путемъ пропаганды, дѣйствующей на массы. Съ этой цѣлью въ собраніяхъ происходили разсужденія о томъ, какъ возбуждать во всѣхъ классахъ народа негодованіе противъ правительства, какъ вооружать крестьянъ противъ помѣщиковъ, чиновниковъ, противъ начальниковъ, какъ пользоваться фанатизмомъ раскольниковъ, а въ прочихъ сословіяхъ подрывать и разрушать всякія религіозныя чувства, которыя они сами изъ себя уже совершенно изгнали, проповѣдуя, что религія препятствуетъ развитію человѣческаго ума, а потому и счастію. Тутъ же было разсуждаемо о частныхъ особыхъ мѣрахъ, какъ дѣйствовать на Кавказѣ, въ Сибири, въ Остзейскихъ губерніяхъ, въ Финляндіи, въ Польшѣ, въ Малороссіи (гдѣ умы предполагались находящимися уже въ броженіи отъ сѣмянъ, брошенныхъ сочиненіями Шевченко). Изъ всего этого я извлекъ убѣжденіе, что тутъ былъ не столько мелкій и отдѣльный заговоръ, сколько всеобъемлющій планъ об-

*) Эта и другія цитаты взяты нами изъ «Мнѣнія» Липранди», напечатаннаго въ «Полярной Звѣздѣ» на 1862 г. (№ 7, вып. 1) и перепечатаннаго въ сборникѣ «Общество Пропаганды въ 1849 г.» изданномъ Э. Каспровичемъ въ 1875 г.

щаго движенія, переворота и разрушенія... Безъ сомнѣнія не для чего иного, какъ съ цѣлью произвесть всеобщее, повсемѣстное движеніе, тутъ были вмѣстѣ люди не только разныхъ вѣдомостей и званій по службѣ, но и не служащіе изъ всѣхъ сословій: дворяне, купцы и даже мѣщане. Обыкновенные заговоры бываютъ большею частью изъ людей однородныхъ, болѣе или менѣе близкихъ между собою по общественному положенію. Напримѣръ въ заговорѣ 1825 года участвовали исключительно дворяне и при томъ преимущественно военные. Тутъ же напротивъ съ гвардейскими офицерами и съ чиновниками министерства иностранныхъ дѣлъ, рядомъ находятся не кончившіе курсъ студенты, мелкіе художники, купцы, мѣщане, даже лавочники, торгующіе табакомъ. Очевидно, что сѣть была заткана такая, которая должна была захватить все народонаселеніе и слѣдовательно, чтобъ дѣйствовать не на одномъ мѣстѣ, а повсюду.» Весьма важнымъ обстоятельствомъ считалъ Лапранди и то, «что главную роль въ этомъ обществѣ играли наставники и воспитатели юношества, которыхъ общество по испытаніи въ образѣ мыслей и въ правилахъ, старалось помѣщать повсюду. Тутъ цѣль имѣвшаяся въ виду и послѣдствія, какія отъ того ожидались слишкомъ очевидны, такъ что нѣтъ нужды объ томъ распространяться: одинъ такой учитель ежегодно могъ приготовлять въ своихъ идеяхъ десятки, сотни молодыхъ людей, которые послѣ разсыпались во всѣ концы государства.»

Такимъ образомъ Лапранди въ противоположность графу М. А. Корфу *) вполнѣ понималъ всю важность участія въ революціонномъ обществѣ такихъ людей, какими были члены общества Петрашевскаго. М. Корфъ же въ своихъ запискахъ относится презрительно къ составу общества и пишетъ: «Въ цѣломъ спискѣ, въ противоположность заговору 1825 года, не встрѣчалось ни одного значущаго имени, ни одного лица съ извѣстностью въ какомъ-нибудь родѣ». Правда, въ дѣлѣ Петрашевскаго не участвовало столько высокопоставленныхъ лицъ, какъ у декабристовъ, у которыхъ было 7 князей, 3 графа, 2 барона и 3 генерала, но на мѣсто ихъ въ рядахъ петрашевцевъ значатся слѣдующія, много говорящія русскому

*) Членъ Государственнаго Совѣта и директоръ Публичной библіотеки.

уму имена, какъ В. Г. Бѣлинскаго, Ѳ. М. Достоевскаго' Н. Г. Чернышевскаго, Г. Е. Благосвѣтлова, М. Е. Салтыкова, Валерьяна и Аполлона Майковыхъ, Н. П. Огарева, К. Д. Кавелина, не считая самого Петрашевскаго, Спѣшнева и Момбелли. Мы забыли упомянуть еще объ извѣстномъ Владимірѣ Энгельсонѣ, дѣятельномъ сотрудникѣ герценовской «Полярной Звѣзды», о Николаѣ Данилевскомъ, Плещеевѣ и Пальмѣ. Эти имена стоятъ, конечно, всѣхъ князей, графовъ и бароновъ, но для Корфа, любителя высокихъ титуловъ, мы могли бы указать на князей П. Трубецкого и С. Черкасскаго, бывавшихъ на собраніяхъ у Кашкина.

Большинство изъ перечисленныхъ здѣсь лицъ счастливо избѣжали ареста, одни потому, что не бывали на послѣднихъ 6 пятницахъ, другіе, какъ Бѣлинскій, вслѣдствіе своей смерти. Особенно тяжкая участь ожидала бы Бѣлинскаго. Л. В. Дубельтъ «яростно сожалѣлъ, что Бѣлинскій умеръ», говоря, «мы бы сгноили его въ крѣпости». А. Плещеева, Головинскаго, Ѳ. Достоевскаго и Пальма приговорили къ смертной казни, между прочимъ, потому, что одинъ распространялъ знаменитое «Письмо В. Г. Бѣлинскаго къ Н. В. Гоголю», а другіе знали объ этомъ распространеніи и не донесли правительству. Это письмо Бѣлинскій написалъ вдали отъ III отдѣленія и цензуры, во-время своего пребыванія за-границей, въ Зальцбургѣ 15-го іюля 1847 г.*)

«Вы только отчасти правы,—писалъ Бѣлинскій Гоголю —увидавъ въ моей статьѣ *разсерженнаго* человѣка: этотъ эпитетъ слишкомъ слабъ и нѣженъ для того выраженія того состоянія, въ которое привело меня чтеніе вашей книги. **) Но вы вовсе неправы, приписавши это вашимъ, дѣйствительно не совсѣмъ лестнымъ отзывамъ, о почитателяхъ вашего таланта. Нѣтъ. тутъ была причина болѣе важная. Оскорбленное чувство самолюбія еще можно перенести, и у меня достало бы ума промолчать объ этомъ предметѣ, еслибы все дѣло заключалось въ немъ, но нельзя перенести оскорбленнаго чувства истины, человѣческаго до-

*) Оно напечатано А. И. Герценомъ въ «Полярной Звѣздѣ» на 1855 г. и перепечатано М. Драгомановымъ отдѣльной брошюрой въ Женевѣ въ 1880 г. Было еще изданіе въ 1899 г., но всѣ они разошлись.

**) «Переписка съ друзьями».

стоинства; нельзя молчать, когда подъ покровомъ религіи и защитою кнута проповѣдуютъ ложь и безнравственность, какъ истину и добродѣтель.

«Да я любилъ васъ со всею страстью, съ какою человѣкъ, кровно связанный съ своей страною, можетъ любить ея надежду, честь, славу одного изъ великихъ вождей ея на пути сознанія, развитія, прогресса. И вы имѣли основательную причину хоть на минуту выйти изъ спокойнаго состоянія духа, потерявши право на такую любовь. — Говорю это не потому, что я считаю любовь свою наградою великаго таланта, а потому что въ этомъ отношеніи я представляю не одно, а множество лицъ изъ которыхъ ни вы, ни я не видали самаго большаго числа, и которые въ свою очередь тоже никогда не видали васъ.

«Я не въ состояніи дать вамъ ни малѣйшаго понятія о томъ негодованіи, которое возбудила ваша книга во всѣхъ благородныхъ сердцахъ, ни о тѣхъ воплѣхъ дикой радости, которые издали при появленіи ея всѣ враги ваши, и нелитературные — Чичиковы, Ноздревы, Городничіе... и литературные, которыхъ имена хорошо вамъ извѣстны. Вы видите сами, что отъ вашей книги отступились даже люди, повидимому одного духа съ ея духомъ. Вы не замѣтили, что Россія видитъ свое спасеніе не въ мистицизмѣ, не въ аскетизмѣ, не въ піэтизмѣ, а въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія, гуманности. Ей нужны не проповѣди (довольно она слышала ихъ!), не молитвы (довольно она твердила ихъ), а пробужденіе въ народѣ чувства человѣческаго достоинства, столько вѣковъ потеряннаго въ грязи и сорѣ, — права и законы, сообразные не съ ученіемъ церкви, а съ здравымъ смысломъ и справедливостью, и строгое по возможности ихъ исполненіе. А вмѣсто этого она представляетъ собою ужасное зрѣлище страны, гдѣ люди торгуютъ людьми, не имѣя на это и того оправданія, какимъ лукаво пользуются американскіе плантаторы, утверждая, что негръ не человѣкъ... Страны — гдѣ нѣтъ не только никакихъ гарантій для личности, чести и собственности, но нѣтъ даже полицейскаго порядка, а есть только огромныя корпораціи разныхъ служебныхъ воровъ и грабителей! Самые живые, современные, національные вопросы въ Россіи теперь: уничтоженіе крѣпостного права, отмѣненіе тѣлеснаго наказанія, введеніе по возможности строгаго выполненія хотя бы тѣхъ законовъ, которые уже есть. Это чувству-

етъ даже само правительство (которое хорошо знаетъ, что дѣлаютъ помѣщики со своими крестьянами и сколько послѣдніе ежегодно рѣжутъ первыхъ), что доказывается его робкими безплодными полумѣрами въ пользу бѣлыхъ негровъ и комическимъ замѣненіемъ однохвостнаго кнута трехвостною плетью. Вотъ вопросы, которыми тревожно занята вся Россія въ ея апатичномъ снѣ!...

«...Проповѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристъ татарскихъ нравовъ — что вы дѣлаете? Взгляните себѣ подъ ноги, вѣдь вы стоите надъ бездною?... Что вы подобное ученія опираете на православную церковь, это я еще понимаю: она всегда была опорою кнута и угодницей деспотизма; но Христа-то зачѣмъ вы примѣшали тутъ? Что вы нашли общаго между нимъ и какою-нибудь, а тѣмъ болѣе православною церковью? Онъ первый возвѣстилъ людямъ ученіе свободы, равенства и братства и мученичествомъ запечатлѣлъ, утвердилъ истину своего ученія... Не есть-ли попъ на Руси для всѣхъ русскихъ представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, безстыдства?... По вашему русскій народъ самый религіозный въ мірѣ: ложь! Основа религіозности есть піэтизмъ, благоговѣніе, страхъ Божій. А русскій человѣкъ произноситъ объ образѣ: годится — молиться, а не годится — горшки покрывать. Приглядитесь попристальнѣе и вы увидите, что это по натурѣ глубоко-атеистическій народъ. Въ немъ еще много суевѣрности, но нѣтъ и слѣда религіозности... Не буду распространяться о вашемъ дифирамбѣ любовной связи русскаго народа съ его владыками. Скажу прямо: этотъ дифирамбъ ни въ комъ не встрѣтилъ себѣ сочувствія... Вы утверждаете за великую и неоспоримую истину, будто простому народу грамота не только не полезна, но положительно вредна. — Что сказать вамъ на это? Да проститъ васъ вашъ византійскій богъ за эту византійскую мысль, если только передавши ее бумагѣ, вы не знали, что говорили...»

Это высоко-талантливое письмо, хотя и не заключало въ себѣ пропаганды того утопическаго соціализма, сторонниками котораго были большинство членовъ общества, тѣмъ не менѣе играло большую роль въ ихъ пропагандѣ.

Значительно меньшую роль въ пропагандѣ играло сочиненіе Николая Филиппова «Истолкованіе десяти заповѣдей». Мы приведемъ наиболѣе характерные отрывки:

Что показываетъ вторая заповѣдь?

«Показываетъ, чтобы для насъ ничего не было дороже воли и правды господней. Кто возлюбилъ мірскія блага, паче правды божіей, тотъ сотворилъ себѣ кумира и преступилъ вторую заповѣдь. Кто несправедливыми путями собираетъ богатство: воровствомъ, обманомъ, грабежомъ, тотъ возлюбилъ богатство паче Бога и его святой правды. Горе вамъ господа и начальники, что забываете заповѣди Божіи, ради мірскихъ благъ обижаете подвластныхъ вамъ. Горе тому — кто въ угоду начальству, творитъ всякія беззаконія. Горе и тѣмъ, кто можетъ, но не хочетъ защищать бѣдныхъ и утѣсненныхъ. Горе вамъ, люди робкіе, что боитеся защищать братій, ибо вы возлюбили плоть больше правды Господней. Горе вамъ, ибо придетъ день суда и примите всѣ по дѣламъ вашимъ.

Что повелѣваетъ третья заповѣдь?

«Третья заповѣдь запрещаетъ призывать Господа Бога всуе... Кто скажетъ: царь земный — Богъ, тотъ всуе пріемлетъ имя Господа Бога, затѣмъ, что есть только одинъ Богъ, онъ одинъ царь неба и земли; а цари земные, также люди, какъ и мы грѣшные, и когда всѣ мы предстанемъ на судъ господенъ, не спроситъ Богъ, кто былъ царь, кто господинъ, кто крестьянинъ — а каждому воздастъ по дѣламъ его... Царь, который забылъ свой долгъ, не хочетъ заступиться за народъ, унять господъ и начальниковъ, тотъ врагъ Богу и людямъ, и власть его не отъ Господа Бога, а отъ сатаны».

Объясняя 4-ую заповѣдь Филипповъ писалъ: «Видали мы господъ, что, почитай, цѣлую недѣлю гоняютъ бѣдныхъ крестьянъ на барщину. Прійдетъ праздникъ Господенъ, и радъ бы мужикъ справить его по христіански, да глядишь: то сѣно не убрано, то хлѣбъ пора жать, то дровъ навозить, а дома и холодно, и голодно... А кто причина, что мужикъ не справляетъ праздника Божія? Господинъ. Тяжкій отвѣтъ дастъ онъ Богу на судѣ страшномъ...»

О 6-ой заповѣди Филипповъ говоритъ слѣдующее: «Какъ же, забывая слово Божіе, начальники и господа слова не вымолвятъ съ нашимъ братомъ мужикомъ безъ брани?... Дадимъ отвѣтъ и мы, что попустили ихъ обижать нашихъ братій; пора унять беззаконниковъ... Нарушающій слово Божіе смертью да умретъ...»

Третьимъ произведеніемъ членовъ общества, предназначеннымъ для пропаганды среди солдатъ была статья Николая Григорьева: «Солдатская Бесѣда». По словамъ В. Семевскаго *) «авторъ влагаетъ въ уста обнищавшаго, отставного служиваго воспоминаніе о томъ, какъ развратничалъ ихъ баринъ, какъ угощалъ своихъ гостей невинными крестьянскими дѣвушками, какъ никакія жалобы начальству не помогали, какъ, наконецъ, онъ избилъ барина за изнасилованіе своей сестры, и за это ему забрили лобъ».

7-го апрѣля 1849 г., въ день рожденія Фурье, былъ устроенъ «banquet social». «Обѣдъ**) былъ въ квартирѣ Европеуса; портретъ Фурье въ настоящую величину, по поясъ, выписанный изъ Парижа къ этому дню, висѣлъ на стѣнѣ; насъ было 11 человѣкъ.***) Обѣдъ былъ очень оживленъ; произнесены были три рѣчи».****) Одинъ изъ ораторовъ этого банкета, Д. Ахшарумовъ, сказалъ слѣдующее:

«Жизнь, какъ она теперь тяжела, гадка; мы всѣ несчастны, и можно ли быть счастливымъ въ этомъ обществѣ, въ которомъ мы живемъ. И такъ порядокъ установленный противорѣчитъ главному основному назначенію нашей человѣческой жизни, какъ и всякой другой, то онъ непремѣнно рано или поздно прекратится и вмѣсто него будетъ новый, новый и новый. Когда? — вотъ это важный вопросъ, и мы можемъ только отвѣчать, что скоро. Уже тотъ фактъ, что мы сознаемъ недостатки, ошибки въ устройствѣ нашей жизни, и уже представляется намъ въ общихъ чертахъ новая жизнь, этотъ самый фактъ доказываетъ, что началось время его разрушенія. И рухнетъ и развалится все это дряхлое, громадное вѣковое зданіе, и многихъ задавитъ оно при разрушеніи и изъ насъ, но жизнь оживетъ, и люди будутъ жить богато, раздольно и весело. — Мы живемъ въ столицѣ безобразной, громадной, въ чудовищномъ скопищѣ людей, томящихся въ однообразныхъ работахъ, испачканныхъ грязнымъ трудомъ, пораженныхъ болѣзнями, развратомъ, въ скопищѣ,

*) «Крестьянскій вопросъ въ Россіи» т. 2.

**) Д. Д. Ахшарумовъ «Изъ моихъ воспоминаній».

***) Петрашевскій, Спѣшневъ, два брата Европеуса, Кашкинъ, оба Дебу, Ханыковъ, Д. Ахшарумовъ, Момбелли и еще кто-то.

****) Петрашевскимъ, Ханыковымъ и Д. Ахшарумовымъ.

разрозненномъ семействами, которыя, вредя другъ другу, теряютъ время и силу и обѣдняются въ безполезныхъ трудахъ. И тамъ, за столицею, ползутъ города; единственная цѣль, высочайшее счастье для нихъ — сдѣлаться многолюднымъ, развратнымъ, больнымъ, чудовищнымъ, какъ столица! — Въ эти дни, въ этомъ самомъ обществѣ мы собрались сегодня не для жалобъ... но, напротивъ, полны надеждой, торжествомъ... Мы даемъ обѣдъ... и празднуемъ грядущее искупленіе человѣчества, — сегодня, именно сегодня, въ день рожденія Фурье чтимъ его память, потому что онъ указалъ намъ путь, по которому идти, открылъ источникъ богатства, счастья. Сегодня первый обѣдъ фурьеристовъ въ Россіи и всѣ они здѣсь: десять человѣкъ, немногимъ болѣе *) Все начинается съ малаго и ростетъ до великаго. — Разрушить столицы, города и всѣ матеріалы ихъ употребить для другихъ зданій, и всю эту жизнь мученій, бѣдствій, нищеты, стыда, срама превратить въ жизнь роскошную, стройную, веселья, богатства, счастья, и всю землю нищую покрыть дворцами, плодами и разукрасить въ цвѣтахъ — вотъ цѣль наша. Мы здѣсь, въ нашей странѣ, начнемъ преобразованіе, а кончитъ его вся земля. Скоро избавленъ будетъ родъ человѣческій отъ невыносимыхъ страданій».

Послѣднія слова рѣчи, а особенно фраза о разрушеніи городовъ и столицы, стали какимъ то образомъ извѣстны слѣдственной комиссіи и доставили много безпокойства ихъ автору.

Общество Петрашевскаго не представляло изъ себя организаціи и не объединяло своихъ членовъ какимъ бы то ни было уставомъ, но всѣ члены его, настроенные болѣе революціонно, стремились къ этому, а Н. А. Спѣшневъ даже набросалъ планъ организаціи. «Есть три внѣправительственные пути дѣйствія — говорилъ Спѣшневъ въ своемъ проектѣ — іезуитскій, пропагандный и возстанія; каждый изъ нихъ не вѣренъ, и оттого больше шансовъ, если взять всѣ три дороги». Для этого необходимъ «одинъ центральный комитетъ, котораго занятіе

*) Ораторъ, очевидно, не считалъ въ этомъ числѣ многихъ другихъ послѣдователей ученія Фурье, группировавшихся около Петрашевскаго (не слѣдуетъ впрочемъ думать, что всѣ петрашевцы были фурьеристами). (Прим. В. Семевскаго къ статьѣ «Изъ исторіи крестьянскаго вопроса»).

будетъ состоять въ созданіи частныхъ: 1) комитета товарищества, 2) комитета для устройства школъ пропаганды фурьеристской, коммунистической и моральной, и, наконецъ, 3) комитета тайнаго общества на возстаніе».

Спѣшневъ былъ самый видный революціонеръ-организаторъ изъ всего общества. Работая надъ планомъ организаціи, онъ мечталъ въ то же время поставить тайную типографію для печатанія запрещенныхъ правительствомъ книгъ, необходимыхъ для пропаганды. Онъ пріобрѣлъ съ помощью Николая Филиппова нѣкоторыя типографскія принадлежности, которыя удачно скрылъ при обыскѣ, оставивъ жандармамъ 4 пустыхъ ящика.

Николай Момбелли вмѣстѣ съ Петрашевскимъ и Спѣшневымъ былъ ярымъ республиканцемъ, и стремился ввести въ общество организацію, основанную на уставѣ, въ который предлагалъ внести параграфъ о казни измѣнниковъ и предателей. Въ рукописныхъ сочиненіяхъ Момбелли — по словамъ генералъ аудиторіата *) — заключались «многія демагогическія мысли въ отношеніи Россіи и въ высшей степени дерзкія выраженія противъ священной особы государя и даже воззваніе къ уничтоженію императорскаго достоинства». Мы имѣемъ возможность пользоваться только выдержками изъ его дневника, но и онѣ настолько характерны для автора, что мы позволимъ себѣ привести ихъ здѣсь же.

«...Служба наша **) къ самое короткое время разрушаетъ здоровье, останавливаетъ и притупляетъ умственныя способности, истощаетъ карманъ — и все это переносишь съ совершеннымъ убѣжденіемъ, что тѣмъ не приносишь никому никакой пользы, ни отечеству, ни человѣчеству, ни ближнимъ; напротивъ, видишь ясно, что службою вредишь себѣ прямо и отечеству косвенно, потому что содержаніе военныхъ силъ требуетъ огромныхъ суммъ, часть которыхъ могла-бы быть употреблена на общественныя пользы, разумѣется, если уничтожатъ достоинство императора; въ противномъ случаѣ онъ, по обыкновенію, употребитъ все на свои прихоти, распорядится по своему... Деспоты, подчиняя служебную жизнь

*) См. «Докладъ генералъ-аудиторіата о тит. сов. Буташевичѣ-Петрашевскомъ и другихъ лицахъ».

**) Военная. Момбелли служилъ поручикомъ въ Л.-Гв. Московскомъ полку.

нашу такимъ дикимъ условіямъ, руководствовались своими соображеніями — деспотизмъ враждебенъ всякому умственному образованію и всякому истинному праву... О Россія! ради Бога опомнись, пока еще не всѣ средства истощены, пока еще можно поправить зло: займы у Гоппа и К°, сравнительно съ богатствомъ Россіи, еще не такъ значительны, хотя огромны — и теперь еще пробѣгаетъ холодный трепетъ по жиламъ при воспоминаніи о видѣнномъ мною кусочкѣ хлѣба, которымъ питаются крестьяне Витебской губерніи; мука вовсе не вошла въ его составъ, онъ состоитъ изъ мякины, соломы и еще какой-то травы, не тяжелѣе пуху и видомъ похожъ на высушенный конскій навозъ, сильно перемѣшанный съ соломою. Хотя противникъ всякаго физическаго наказанія, но желалъ бы чадолюбиваго императора, въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, посадить на пищу витебскихъ крестьянъ. Какъ странно устроенъ свѣтъ: одинъ мерзкій человѣкъ и сколько зла онъ можетъ сдѣлать, и по какому праву?... Но все-же, мнѣ кажется, что сенатъ римскій имѣлъ болѣе основанія поднести Ромулу названіе «мудраго», чѣмъ русскій сенатъ Николаю. Первый заботился объ общемъ благѣ гражданъ, второй же заботился съ дьявольскимъ постоянствомъ, объ уничтоженіи блага подданныхъ и о увеличеніи собственнаго своего...»

29 апрѣля 1849 г. было назначено слѣдствіе по дѣлу Петрашевскаго и учреждена секретная слѣдственная коммисія, въ составъ которой вошли: ген.-адъют. Набоковъ*), кн. Гагаринъ, ген.-лейт. Дубельтъ**), кн. Долгоруковъ и ген.-адъют. Ростовцевъ***). Съ разрѣшенія Николая эта комиссія освободила нѣсколькихъ арестованныхъ, признавъ ихъ невиновными, а 17-го сентября подписала свой докладъ государю и была распущена. Вмѣсто верховнаго суда была учреждена военно-судная комиссія подъ предсѣдательствомъ ген.-адъют. В. А. Перовскаго****) Членами ея были генералъ-адъютанты гр. Строгановъ, Анненковъ и Толстой, и сенаторы кн. Лобановъ-Ростовскій, Дурасовъ и Веймарнъ. Суду предано 23 человѣка, который приговорилъ 21 къ смертной казни разстрѣля-

*) Предсѣдатель комиссіи и комендантъ крѣпости.
**) Начальникъ штаба корпуса жандармовъ.
***) Доносчикъ по дѣлу декабристовъ.
****) Бывшій Оренб. ген.-губ., братъ мин. вн. дѣлъ.

ніемъ. Въ число приговоренныхъ вошли слѣдующія лица: 1) Служащій въ Департаментѣ Внутреннихъ Сношеній минист. иностр. дѣлъ титулярный совѣтникъ Михаилъ Буташевичъ-Петрашевскій (28 лѣтъ), 2) неслужащій дворянинъ Николай Спѣшневъ (28 л.), 3) лейбъ-гвардіи московскаго полка поручикъ Николай Момбелли (26 л.), 4) лейбъ гвардіи конно-гренадерскаго полка порутчикъ Николай Григорьевъ (27 л.), 5) лейбъ-гвардіи егерскаго полка штабсъ-капит. Ѳеодоръ Львовъ 2-ой (25 л.); 6) студентъ С.-Петербургскаго университета Николай Филипповъ (25 л.), 7) состоящій при Азіятскомъ Департаментѣ въ учебномъ отдѣленіи восточныхъ языковъ кандидатъ Дмитрій Ахшарумовъ (26 л.), 8) приватный слушатель въ С.-Петербургскомъ университетѣ Александръ Ханыковъ (23 л.), 9) отставной коллежскій ассессоръ Сергѣй Дуровъ (33 л.), 10) отставной инженеръ-порутчикъ Ѳеодоръ Достоевскій (27 л.), 11) Служащій въ Азіятскомъ Департаментѣ минист. иностр. дѣлъ коллежскій совѣтникъ Константинъ Дебу 1-ый (39 л.), 12) служащій тамъ же губ. секрет. Ипполитъ Дебу 2-ой (25 л.), 13) учитель русской словесности, не имѣющій чина Феликсъ Толль (26 л.), 14) Помощникъ инспектора классовъ въ С.-Петербургскомъ технологическомъ институтѣ титулярный совѣтникъ Иванъ Ястржембскій (35 л.), 15) неслужащій дворянинъ Алексѣй Плещеевъ (23 л.), 16) служащій въ Азіятскомъ Департаментѣ мин. иност. дѣлъ тит. сов. Николай Кашкинъ (20 л.), 17) состоящій при Департаментѣ Министерства Юстиціи тит. сов. Василій Головинскій (20 л.), 18) лейбъ-гвардіи егерскаго полка порутчикъ Александръ Пальма (26 л.), 19) служащій въ министерствѣ внутрен. дѣлъ чиновникъ особыхъ порученій тит. сов. Константинъ Тимковскій (34 л.), 20) отставной кол. секр. Александръ Европеусъ (22 л.), 21) московскій мѣщанинъ Петръ Шапошниковъ.

Генералъ-аудиторіатъ, къ которому поступилъ приговоръ военно-судной комиссіи, въ своемъ докладѣ государю указалъ на нѣкоторыя смягчающія обстоятельства и даже ходатайствовалъ «объ опредѣленіи имъ вмѣсто смертной казни наказаній по мѣрѣ вины».

19 декабря 1849 г. приговоръ конфирмованъ Николаемъ. Въ результатѣ обвиненные приговорены: 1) Петрашевскій къ каторжной работѣ въ рудникихъ безъ срока, 2) Момбелли и Григорьевъ на 15 лѣтъ; 3) Львовъ на 12

лѣтъ, 4) Спѣшневъ на 10 л., 5) Ястржембскій къ каторжной работѣ на заводахъ на 6 л. 6) Тимковскій и Шапошниковъ къ арестантскимъ ротамъ инженернаго вѣдомства на 6 л., 7) Дуровъ и Достоевскій къ каторжной работѣ въ крѣпостяхъ на 4 года, 8) Филипповъ, Ахшарумовъ и Константиновъ Дебу къ арестантскимъ ротамъ инженернаго вѣдомства на 4 года, 9) Толль къ каторжной работѣ на заводахъ на 2 года, а Ипполитъ Дебу къ арест. ротамъ инжен. вѣдомства тоже на 2 года, 10) Ханыковъ, Плещеевъ и Головинскій къ опредѣленію рядовыми въ одинъ изъ оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ, 11) Кашкинъ и Европеусъ — рядовыми въ одинъ изъ кавказскихъ линейныхъ баталіоновъ, 12) Пальму къ переводу тѣмъ же чиномъ въ армію. Изъ нихъ Петрашевскій, Спѣшневъ, Момбелли, Григорьевъ, Львовъ, Филипповъ, Ахшарумовъ, Ханыковъ, Дуровъ, Достоевскій, К. Дебу и И. Дебу, Толль, Ястржембскій, Плещеевъ, Головинскій; Тимковскій, Европеусъ и Шапошниковъ лишены всѣхъ правъ состоянія. Кромѣ того поручикъ Черносвитовъ, не обвиненный военно-судной комиссіей былъ отправленъ по приказу Николая на жительство въ Кексгольмскую крѣпость.

Публичное объявленіе приговора происходило на Семеновской площади 22 декабря 1849 г. Вотъ что сохранилось въ воспоминаніяхъ Д. Ахшарумова объ этомъ памятномъ для всѣхъ петрашевцевъ днѣ:

«Взойдя на эшафотъ*), мы смѣшались въ кучу и обмѣнялись нѣсколькими словами. Съ нами вмѣстѣ вошли солдаты... Затѣмъ распоряжались офицеръ и чиновникъ со спискомъ въ рукахъ. Началась разстановка, причемъ порядокъ былъ соотвѣтственно степени наказанія. Насъ поставили двумя рядами,—одинъ рядъ, меньшій, начинавшійся Петрашевскимъ, былъ поставленъ съ лѣваго фаса эшафота; тамъ были: Петрашевскій, Спѣшневъ, Момбелли, Львовъ, Дуровъ, Достоевстій, Толь, Ястржембскій, Григорьевъ; другой, большій числомъ, занималъ правую сторону. Кѣмъ начинался этотъ рядъ не помню... Когда мы были уже разставлены въ означенномъ порядкѣ, войскамъ скомандовано было: «На караулъ!» — и этотъ ружейный пріемъ былъ исполненъ одновременно нѣсколь-

*) Эшафотъ былъ окруженъ карэ солдатъ изъ нѣсколькихъ полковъ.

кими полками... Затѣмъ скомандовано было намъ: «Шапки долой!» но... почти никто не исполнилъ команды. Послѣ того чиновникъ въ мундирѣ сталъ читать изложеніе вины каждаго въ отдѣльности, становясь противъ каждаго изъ насъ... Чтеніе это продолжалось съ полчаса; мы всѣ страшно озябли. По окончаніи чтенія этого, конфирмація оканчивалась слѣдующими словами: «Полевой уголовный судъ приговорилъ всѣхъ къ смертной казни разстрѣляніемъ, и 19 сего декабря императоръ собственноручно написалъ: «быть по сему!». Мы всѣ стояли пораженные, чиновникъ сошелъ съ эшафота. Затѣмъ намъ поданы были бѣлые балахоны и колпаки-саваны, и солдаты, стоявшіе сзади, одѣвали насъ въ предсмертное одѣяніе. Когда все это исполнилось, взошелъ на эшафотъ священникъ и обратился къ намъ со слѣдующими словами: «Братья! передъ смертью надо покаяться. Кающемуся Спаситель прощаетъ грѣхи. Я призываю васъ къ исповѣди.» Никто изъ насъ не отозвался на призывъ священника... Тогда раздался голосъ генерала, сидѣвшаго на конѣ возлѣ эшафота: «Батюшка! вамъ больше здѣсь нечего дѣлать! Вы исполнили все...» Священникъ ушелъ, и сейчасъ же вошли нѣсколько человѣкъ солдатъ и, подойдя къ Петрашевскому, Спѣшневу и Момбелли, взяли ихъ и свели съ эшафота; они подвели ихъ къ сѣрымъ столбамъ и стали привязывать, каждаго къ отдѣльному столбу, веревками. Разговоровъ при этомъ не было слышно; осужденные не оказывали никакого сопротивленія. Имъ затянули руки позади столбовъ, и затѣмъ поясомъ завязали веревки*). Потомъ слышно было приказаніе: «Колпаки надвинуть на глаза!»—послѣ чего колпаки опущены были на лица привязанныхъ товарищей нашихъ. Раздалась команда, и вслѣдъ затѣмъ группа солдатъ**), стоявшихъ возлѣ самаго эшафота, по командѣ, направила ружья къ прицѣлу на Петрашевскаго, Спѣшнева и Момбелли. Моментъ этотъ былъ по истинѣ ужасенъ! Видѣть приготовленія къ казни, видѣть уже наставленные почти въ упоръ на нихъ ружейные стволы и ожидать выстрѣла—было ужасно: сердце замерло въ ожиданіи, и страшный моментъ этотъ продолжался съ пол-

*) До этого Петрашевскій сорвалъ съ себя колпакъ, говоря, что не боится смерти и можетъ смотрѣть ей прямо въ глаза.

**) Ихъ было 16 человѣкъ.

минуты... раздался барабанный бой... прицѣленныя ружья вдругъ всѣ были подняты къ верху... стали отвязывать привязанныхъ Петрашевскаго, Спѣшнева и Момбелли и привели ихъ на прежнія мѣста на эшафотѣ. Оказалось, что пріѣхалъ какой-то экипажъ; оттуда вышелъ офицеръ и привезъ какую-то бумагу. Въ ней возвѣщено было дарованіе намъ жизни...*) По окончаніи чтенія этой бумаги, съ насъ стали снимать саваны и колпаки, затѣмъ вошли на эшафотъ палачи и ломали шпаги надъ головами ссылаемыхъ въ Сибирь. Послѣ этого намъ дали каждому арестанскую шапку, овчинный тулупъ и такіе же сапоги... Затѣмъ на середину эшафота принесли кандалы и, бросивъ эту тяжелую массу желѣза на дощатый полъ, взяли Петрашевскаго, и, поставивъ его на середину, двое — повидимому кузнецы — стали молоткомъ заковывать. Петрашевскій сначала стоялъ спокойно, а потомъ выхватилъ тяжелый молотъ у одного изъ рабочихъ и, сѣвъ на полъ, сталъ заколачивать самъ на себѣ кандалы... Въ это время подъѣхала къ эшафоту кибитка, запряженная курьерской тройкой съ фельдъегеромъ и жандармомъ, и Петрашевскому было приказано садиться въ нее, но онъ отвѣчалъ, что еще не окончилъ всѣ дѣла. — Какія еще дѣла у васъ?—спросилъ его съ удивленіемъ генералъ.— Я хочу проститься съ моими товарищами,—отвѣтилъ Петрашевскій. — Это вы можете сдѣлать!— послѣдовалъ отвѣтъ. Петрашевскій первый разъ ступилъ въ кандалахъ; съ непривычки ноги его едва передвигались; онъ подошелъ къ Спѣшневу, сказалъ ему нѣсколько словъ и обнялъ его, потомъ подошелъ къ Момбелли и также простился съ нимъ, поцѣловавъ и сказавъ что-то. Онъ подходилъ по порядку къ каждому изъ насъ и каждаго поцѣловалъ молча или сказавъ что-нибудь на прощанье... Простившись со всѣми, онъ еще разъ поклонился всѣмъ намъ и сойдя съ эшафота, съ трудомъ передвигая непривычныя къ кандаламъ ноги, съ помощью жандарма и солдата, сѣлъ въ кибитку; съ нимъ рядомъ помѣстился фельдъегерь и вмѣстѣ съ ямщикомъ жандармъ съ саблею и пистолетомъ у пояса...»

Черезъ нѣсколько дней послѣ отправки Петрашевскаго, тронулись въ дальній путь и его товарищи.

Всѣ они держали себя при слѣдствіи превосходно

*) Эта комедія была устроена правительствомъ заранѣе.

что можно заключить даже изъ оффиціальныхъ документовъ. Такъ генералъ-аудиторіатъ въ своемъ докладѣ государю писалъ слѣдующее о Петрашевскомъ:

«При слѣдствіи Петрашевскій не только не изъявлялъ раскаянія въ поступкахъ, но объявилъ, что стремясь къ достиженію полной совершенной реформы быта общественнаго въ Россіи, желалъ стать во главѣ разумнаго движенія внародѣ русскомъ. При томъ онъ дѣлалъ многіе дерзкіе и неумѣстные отзывы, покушенія тайнымъ образомъ склонить къ запирательству прочихъ подсудимыхъ и, усиливаясь доказать мнимую благонамѣренность соціальныхъ системъ, въ особенности Фурье, сравнивалъ участь свою и единомышленниковъ съ участью первыхъ проповѣдниковъ христіанства. Вообще Петрашевскій, по замѣчанію слѣдственной коммиссіи, во все время содержанія въ крѣпости, одинъ изъ всѣхъ арестантовъ велъ себя предосудительно, являлся дерзкимъ и наглымъ.»

По словамъ В. Семевскаго, Петрашевскій грозилъ своимъ слѣдователямъ судомъ Западной Европы.

Не отставали отъ Петрашевскаго и его товарищи, смѣло проповѣдуя слѣдственной комиссіи свои убѣжденія. Черносвитовъ прямо заявилъ, что считаетъ необходимымъ сдѣлать перемѣны въ общественныхъ учрежденіяхъ и первымъ дѣломъ освободить крестьянъ. Ханыковъ считалъ насущными потребностями Россіи свободное книгопечатаніе, публичное судопроизводство и освобожденіе крестьянъ и тоже заявлялъ объ этомъ комиссіи.

И этихъ то людей правительство называло «совершенно ничтожными*) и безнравственными»; но если такъ, если всѣ они дѣйствительно ничтожны, зачѣмъ же Николай такъ боялся ихъ, зачѣмъ онъ подымалъ такой шумъ? Всѣ мѣропріятія правительства опровергаютъ ихъ же собственныя слова самымъ блестящимъ образомъ.

По коронаціонному манифесту 1856 года Петрашевскій былъ переведенъ съ каторги на поселеніе, но онъ не желалъ амнистіи и требовалъ пересмотра всего дѣла. Въ

*) Смотри правительственное заявленіе о дѣлѣ петрашевцевъ въ № 276 «Русскаго Инвалида» отъ 22 декабря 1849 года.

своихъ прошеніяхъ *) онъ основывалъ свое требованіе на неправильности всего судопроизводства:

«Производство дѣла послужившаго поводомъ къ моей ссылкѣ,—писалъ Петрашевскій—было совершенно несообразно съ его юридическою сущностью, почему я, въ семъ случаѣ равно какъ и другія, сопричтенныя къ сему дѣлу лица не были подчинены прямому дѣйствію закона... При производствѣ по сему дѣлу слѣдствія совершено было нанарушеніе порядка, формъ и обрядовъ судопроизводства, на сей предметъ законами установленныхъ, а именно слѣдующее: а) Къ присутствованію при производствѣ по сему дѣлу слѣдствія не были приглашены гг. слѣдователями отъ разныхъ вѣдомствъ и сословій надлежащіе депутаты, могущіе устранить пристрастность допросовъ. б) Былъ при производствѣ сего дѣла устраненъ охранительный для обвиненныхъ надзоръ стряпчихъ и прокуроровъ, установленный законами при производствѣ дѣлъ особой важности... По сему для меня и для другихъ, сопричтенныхъ къ сему дѣлу лицъ, образъ содержанія въ петропавловской крѣпости могъ получить характеръ истязательный, а допросы могли носить отпечатокъ пристрастія. Сему доказательства въ актахъ самаго дѣла должны быть явныя, буде они не уничтожены... Не были даны мнѣ очныя ставки съ лицами, коихъ показанія въ спискахъ и извлеченіяхъ мнѣ предъявлялись, какъ противу меня сдѣланныя, не смотря на неоднократное и письменное требованіе оныхъ... Не взирая на непринадлежность мою ни къ одному изъ званій или ни къ одной изъ категоріи лицъ, подлежащихъ суду военному, я былъ ему подвергнутъ... Военно-судною комиссіею, этимъ учрежденіемъ новымъ и небывалымъ еще въ Россіи, какъ комиссіей, судившей о дѣлѣ подлежащемъ собственно суду гражданскому, и судившей по Военно-Полевому Уголовному Уложенію, въ мирное время, за преступленія совершенныя въ войскѣ, находящемся предъ лицомъ непріятеля, не были тоже соблюдены формы и порядокъ судопроизводства для таковыхъ комиссій законами установленный... ...Подсудимые не имѣли при себѣ въ судѣ защитниковъ...»

Прошеніе это напечатано цѣликомъ въ N° 49 «Колокола» и занимаетъ 6 столбцовъ убористой печати. Мы

*) См. «Юстиція и М. В. Буташевичъ-Петрашевскій». (Колоколъ, 1859 г., N° 49).

привели только наиболѣе важныя мѣста. Въ концѣ сего прошенія Петрашевскій требуетъ на основаніи всѣхъ доводовъ, имъ приведенныхъ, «приговоръ объявить не дѣйствительнымъ и въ семъ меня удовлетворить по закону».

Но Петрашевскій, не смотря на отзывъ о немъ М. А. Бакунина, какъ о «неизлѣчимомъ законникѣ*)» зналъ конечно слова Пушкина о томъ, что «въ Россіи нѣтъ закона, есть только столбъ, а на столбѣ корона!», но хотѣлъ еще разъ показать правительвству, что ему не въ чемъ каяться, что ему нужна справедливость, а не милость.

Всѣ историки**), писавшіе въ Россіи о Петрашевскомъ или о его дѣлѣ, видимо отрицательно относятся къ нему и всѣ согласны съ правительствомъ, что онъ «человѣкъ безпокойный». Даже С. Венгеровъ, помѣстившій въ «Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона» ***) замѣтку о петрашевцахъ, говоритъ, что Петрашевскій даже въ самый разгаръ новыхъ вѣяній сумѣлъ возстановить противъ себя такого человѣка, какъ графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій [1]), крайне мягко относившійся къ политическимъ ссыльнымъ». Къ сожалѣнію Венгеровъ не даетъ никакихъ указаній на причины взаимныхъ неудовольствій графа и Петрашевскаго, а между тѣмъ матеріалъ къ разъясненію этого обстоятельства онъ могъ бы найти въ N⁰ 2 «Подъ судъ» [2]), который Герценъ издавалъ въ Лондонѣ.

16 апрѣля 1859 г. въ Иркутскѣ была дуэль Неклюдова съ Беклемишевымъ, причемъ она произошла такъ, что во всемъ городѣ заговорили объ убійствѣ Неклюдова его противникомъ. На сторонѣ перваго были симпатіи

---

*) См. письмо Бакунина къ А. И. Герцену изъ Иркутска отъ 7 ноября 1860 г. Оно напечатано въ изданныхъ М. Драгомановымъ въ 1896 г. въ Женевѣ «Письмахъ М. А. Бакунина къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву.» Кстати сказать въ этомъ письмѣ Бакунинъ крайне несправедливо нападаетъ на Петрашевскаго, по крайней мѣрѣ не приводитъ никакихъ данныхъ въ защиту своихъ обвиненій.

**) За исключеніемъ быть можетъ одного В. Семевскаго.

***) Полутомъ 45.

[1]) «Муравьевъ (генер.-губерн. З. Сибири), какъ выяснилось впослѣдствіи, былъ человѣкъ, вполнѣ преданный корыстнымъ цѣлямъ, и притомъ шарлатанъ большой руки.» («Записки декабриста» Д. М. Завалишина, томъ II, стр. 314.)

[2]) Отъ 15 ноября 1859 года. Статья «Убійство Неклюдова въ Иркутскѣ».

обывателей, на сторонѣ второго стояла высшая администрація съ губернаторомъ во главѣ. Петрашевскій возбудилъ противъ мѣстныхъ властей обвиненіе*) въ предумышленномъ убійствѣ Неклюдова. Это, конечно, не могло понравиться графу, любимцемъ котораго былъ Беклемишевъ и потому 27 февраля 1860 года Петрашевскій былъ высланъ изъ Иркутска въ Минусинскъ**). Протестъ***) поданный Петрашевскимъ противъ своей высылки министру внутреннихъ дѣлъ остался, конечно, безъ всякаго результата и Петрашевскій умеръ поселенцемъ въ Минусинскѣ 7 декабря 1867 года.

*) Не это ли Бакунинъ называлъ доносомъ?

**) Окружной городъ Енисейской губ.

***) Протестъ этотъ напечатанъ въ «Колоколѣ» (№ 92, 93, 1861 г.): «Просьба М. В. Петрашевскаго министру внутреннихъ дѣлъ.»

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ОТДѢЛУ IV.

№ 1. Оправдательная записка Ѳ. М. Достоевскаго.

«Я никогда не находился въ близкихъ отношеніяхъ къ Петрашевскому, хотя и являлся къ нему на пятничные вечера и хотя онъ также бывалъ у меня.

«Это — одно изъ тѣхъ знакомствъ, которыми я не особенно много интересовался, такъ какъ я ни по характеру, ни по многимъ взглядамъ не сходился съ Петрашевскимъ. Поэтому я поддерживалъ сношенія съ нимъ только въ той степени, въ какой этого требовала вѣжливость, т. е. я посѣщалъ его, приблизительно, разъ въ мѣсяцъ, а иногда и рѣже. Отказаться совершенно отъ знакомства съ нимъ у меня не было никакого основанія. Кромѣ того, мнѣ иногда было интересно посѣщать его пятницы.

«Меня поразили многія эксцентричности и особенности въ характерѣ Петрашевскаго. Знакомство наше началось даже съ того, что онъ при первомъ же свиданіи возбудилъ во мнѣ любопытство. Я, однако, не часто къ нему ѣздилъ. Случалось, что я по цѣлымъ полугодіямъ не бывалъ у него. Въ прошлую зиму, начиная съ сентября, я былъ у него не больше восьми разъ. Мы никогда не были близки другъ къ другу и думаю, что во все время нашего знакомства мы никогда не бесѣдовали вмѣстѣ глазъ на глазъ болѣе получаса. Я даже положительно замѣтилъ, что, являясь ко мнѣ, онъ также исполнялъ долгъ вѣжливости и что продолжительная бесѣда со мною ему въ тягость. Съ моей стороны было то же самое, такъ какъ, повторяю, у насъ не было точекъ соприкосновенія ни во взглядахъ, ни въ характерахъ. Мы оба боялись говорить долго другъ съ другомъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, съ десятаго же слова начали бы

спорить, что было намъ обоимъ противно. Мнѣ кажется, что наши взаимныя отношенія были одними и тѣми же; по крайней мѣрѣ, мнѣ извѣстно, что я часто ѣздилъ на его пятничные вечера не столько изъ-за него самого или его «пятницъ», сколько для того, чтобы встрѣтить тамъ кое-какихъ людей, которыхъ я очень рѣдко видѣлъ, хотя и былъ знакомъ съ ними, и которые мнѣ нравились. Впрочемъ, я всегда уважалъ Петрашевскаго, какъ честнаго и благороднаго человѣка.

«Объ его эксцентричностяхъ и странностяхъ говорятъ многіе, почти всѣ, которые его знаютъ или слыхали о немъ. Мнѣ часто приходилось выслушивать мнѣнія, что у Петрашевскаго больше ума, чѣмъ разума. И, дѣйствительно, было бы очень трудно объяснить себѣ многія изъ его странностей. Нерѣдко случалось, что его при встрѣчѣ на улицѣ спрашивали, куда онъ идетъ и что ему нужно, на что онъ отвѣчалъ чѣмъ-нибудь особеннымъ, сообщалъ о какомъ-нибудь странномъ планѣ, который онъ и идетъ осуществлять, такъ что не знали что и думать какъ о планѣ, такъ и о самомъ Петрашевскомъ. Изъ-за какого-нибудь дѣла, не имѣвшаго ни малѣйшаго значенія, онъ дѣлалъ столько шума, точно рѣчь шла о всемъ его состояніи. Иной разъ онъ торопился куда-нибудь на нѣсколько минутъ, чтобы покончить съ какимъ-нибудь ничтожнымъ дѣльцемъ, но оканчивалъ это «дѣльце», приблизительно, черезъ два года. Онъ — человѣкъ, который безпрерывно создаетъ для себя какое-либо дѣло, который вѣчно въ движеніи, котораго вѣчно что-нибудь занимаетъ. Онъ много читаетъ, высоко ставитъ систему Фурье и усвоилъ ее до мельчайшихъ подробностей. Кромѣ того, онъ занимается главнымъ образомъ изученіемъ законодательства. Вотъ все, что мнѣ извѣстно о немъ, какъ о частномъ человѣкѣ, по даннымъ которыя слишкомъ неполны для того, чтобы составить цѣльное понятіе о характерѣ подобнаго рода. Потому что, повторяю еще разъ, я никогда не находился въ очень близкихъ отношеніяхъ къ нему.

«Трудно сказать, чтобы Петрашевскій, (если разсматривать его въ качествѣ политической личности) держался какой-либо опредѣленной системы въ своихъ взглядахъ и чтобы онъ имѣлъ какія-либо опредѣленныя воззрѣнія въ политическихъ дѣлахъ. Я замѣтилъ у него только одну логическую систему, да и та принадлежала не ему, а Фурье. Мнѣ кажется, что именно Фурье мѣшалъ ему осо-

бенно сильно относиться самостоятельно къ вещамъ. Впрочемъ, могу сказать безусловно, что Петрашевскій далекъ отъ мысли, что возможно непосредственное примѣненіе системы Фурье къ нашему общественному строю. Въ этомъ я всегда былъ убѣжденъ.

«Прежде чѣмъ сказать, по какой причинѣ я принималъ участіе въ этихъ спорахъ и какихъ темъ я, главнымъ образомъ, касался, мнѣ необходимо сказать нѣсколько словъ по поводу того, въ чемъ меня обвиняютъ. Мнѣ только сообщили, что я принималъ участіе въ общихъ совѣщаніяхъ у Петрашевскаго, что я говорилъ въ качествѣ вольномыслящаго и, въ концѣ концовъ, прочелъ статью: «Переписка Бѣлинскаго съ Гоголемъ». Говорю отъ чистаго сердца, что до сихъ поръ для меня было тяжелѣе всего опредѣлить слово «свободомыслящій», «либералъ». Что разумѣютъ подъ этими словами? Человѣка, который говоритъ противозаконно? Но я видѣлъ людей, для которыхъ говорить противозаконно, значитъ, если они сознаются, что у нихъ болитъ голова, и я знаю, что есть и такіе люди, которые въ состояніи говорить на всѣхъ перекресткахъ все, что они только могутъ молоть своимъ языкомъ. Кто видѣлъ мою душу? У кого мѣрило вѣроломства, дурного вліянія и подстрекательства, въ которыхъ меня обвиняютъ? По какому масштабу сдѣлана эта мѣрка? Можетъ быть, что судятъ по нѣкоторымъ словамъ, которыя были сказаны мною у Петрашевскаго. Я три раза говорилъ: два раза о литературѣ и одинъ разъ о предметѣ, ничего общаго не имѣющемъ съ политикою — о личности и человѣческомъ эгоизмѣ. Не помню, чтобы что-нибудь политическое или либеральное было въ моихъ словахъ. Не помню, чтобы я когда-либо высказывался у Петрашевскаго и показалъ себя такимъ, каковъ я на самомъ дѣлѣ. Однако, себя я знаю, и если обвиненіе противъ меня основываютъ на нѣкоторыхъ словахъ, которыя подхватили на лету и записали на клочкѣ бумаги, то я такого обвиненія не боюсь, хотя изъ всѣхъ обвиненій оно самое опасное, потому что нѣтъ ничего болѣе портящаго, болѣе запутывающаго и болѣе несправедливаго, чѣмъ нѣкоторыя наскоро записанныя слова, которыя Богъ вѣсть откуда вырвались, Богъ вѣсть къ чему относятся — слова, которыя были услышаны на лету и на лету же поняты, но чаще всего вовсе не были поняты. Но, повторяю, я знаю себя и поэтому такого обвиненія не боюсь.

«Да, если желать лучшаго есть либерализмъ и свободомысліе, то я, можетъ быть, въ этомъ смыслѣ свободомыслящій. Я свободомыслящій въ томъ смыслѣ, въ какомъ можетъ быть названъ всякій человѣкъ, который въ глубинѣ сердца чувствуетъ свое право быть гражданиномъ, такъ какъ онъ въ своемъ сердцѣ носитъ какъ любовь къ отечеству, такъ и сознаніе того, что онъ никогда и ничѣмъ не будетъ ему вредить.

«Но это желаніе лучшаго — относилось ли оно къ возможному или невозможному? Пусть меня обвиняютъ въ томъ, что я желалъ перемѣны, уничтоженія насильственнымъ, революціоннымъ путемъ, путемъ подстрекательства къ озлобленію и ненависти! ...

«Но почему мы всему придали такой характеръ, что громкое, открытое слово, которое сколько-нибудь напоминаетъ взглядъ и высказано безъ экивоковъ считается эксцентричностью! Мое мнѣніе таково, что для насъ самихъ было бы гораздо лучше, если бы мы всѣ были искреннѣе. Меня всегда огорчало, что мы всѣ точно инстинктивно боимся чего-то, что, когда мы, напримѣръ, собираемся толпою въ публичныхъ мѣстахъ, одинъ относится къ другому съ недовѣріемъ, одинъ мрачно смотритъ на другого, мѣритъ его глазами сбоку и всегда кого-нибудь подозрѣваетъ. Если, напримѣръ, кто-нибудь начнетъ говорить о политикѣ, то онъ будетъ говорить шепотомъ и съ таинственнымъ видомъ, хотя бы республиканскія идеи были столь же далеки отъ него, какъ и Франція. Скажутъ, «лучше, что у насъ не кричатъ на базарѣ». Несомнѣнно, никто противъ этого не можетъ возразить ни слова; однако, преувеличенное молчаніе и чрезмѣрная боязнь бросаютъ на нашу повседневную жизнь темный колоритъ, благодаря которому все выступаетъ въ мрачномъ, непривѣтливомъ свѣтѣ и, что болѣе всего оскорбительно, колоритъ этотъ ложный, вся боязнь безпредметна, безполезна (я вѣрю въ это), всѣ эти опасенія не что иное, какъ наши выдумки, и мы только безпокоимъ безполезнымъ образомъ нашей таинственностью и нашимъ недовѣріемъ. Потому что, благодаря этому натянутому положенію вещей, происходитъ часто много шума изъ ничего. Тутъ самое обыкновенное громко сказанное слово получаетъ гораздо больше значенія и самый фактъ принимаетъ иногда, благодаря эксцентричности, въ которой онъ появляется, колоссальные размѣры и несправедливо

приписывается другимъ (необычайнымъ и недѣйствительнымъ) причинамъ. Я всегда былъ того мнѣнія, что сознательное убѣжденіе лучше, прочнѣе, чѣмъ безсознательное, которое неустойчиво, колеблется и падаетъ при дуновеніи всякаго вѣтерка. Сознаніе же не вырождается, не прекращается, если молчишь. Мы сходимъ съ пути общаго, мы раздробляемъ себя на маленькіе кружки или увядаемъ въ одиночествѣ. Кто же виною этому? Мы, мы сами, но никто другой — я такъ всегда думаю».

Затѣмъ Достоевскій опредѣляетъ общій характеръ разговоровъ и споровъ на вечерахъ Петрашевскаго, касаясь исключительно того, что было говорено имъ, распространяясь особенно о своихъ мнѣніяхъ по поводу цензуры.

«Я говорилъ о цензурѣ и ея чрезмѣрной строгости въ наше время. Я сожалѣлъ объ этомъ такъ какъ чувствовалъ, что тутъ произошло недоразумѣніе, создавшее для литературы тяжелое и напряженное положеніе. Мнѣ было горько, что званіе писателя въ наши дни уничтожается, благодаря нѣкотораго рода недовѣрію; что цензура относится къ писателю еще прежде, чѣмъ онъ написалъ что-нибудь, какъ къ своего рода врагу верховной власти и заранѣе готовится къ тому, чтобы съ явной предвзятостью раздробить его рукопись. Мнѣ печально слышать, что наши произведенія запрещаются не потому, что въ нихъ находятъ что-нибудь либеральное, вольномыслящее, что-нибудь противорѣчащее верховной власти, а потому, напримѣръ, что разсказъ или романъ кончаются слишкомъ печально, что въ нихъ развернута слишкомъ мрачная картина, хотя картина эта никого въ обществѣ не обвиняетъ или не заподозриваетъ и хотя сама трагедія произошла случайно, по чисто внѣшней причинѣ. Пусть просмотрятъ все, что я написалъ, какъ печатное, такъ и не напечатанное, и пусть прочитаютъ рукописи моихъ напечатанныхъ произведеній, тамъ увидятъ, каковы были онѣ до своего поступленія въ цензуру; пусть найдутъ тамъ хотя бы одно слово, которое было бы направлено противъ нравственности или существующаго порядка. И тѣмъ не менѣе я подвергся подобному цензурному запрещенію только потому, что набросанная мною картина была нарисована слишкомъ мрачными красками. Если бы только они знали, въ какое печальное положеніе было вслѣдствіе этого поставленъ авторъ запрещеннаго произ-

веденія! Онъ очутился лицомъ къ лицу съ неизбѣжностью цѣлыхъ три мѣсяца оставаться безъ хлѣба, еще хуже этого, такъ какъ работа давала мнѣ средства къ существованію.

«Да, при всѣхъ лишеніяхъ, при всемъ своемъ унынiи, даже отчаяніи (потому что, не говоря уже о денежномъ вопросѣ, до отчаянія невыносимо видѣть, что произведеніе, которое любилъ, которому посвятилъ трудъ, здоровье, лучшія силы души, запрещено по недоразумѣнію, по одному недовѣрію), я долженъ былъ, говорю, въ лишеніяхъ, въ тоскѣ и отчаяніи находить веселые часы, чтобы въ это время изготовлять литературныя работы въ веселыхъ, яркихъ, пріятныхъ краскахъ. А писать я долженъ былъ безусловно, потому что жить мнѣ нужно было. И вотъ, если я говорилъ объ этомъ, если я немного жаловался (а я такъ мало жаловался!), то я этимъ самымъ обнаружилъ свое вольномыслiе? По поводу чего я собственно жаловался? По поводу *недоразумѣнія!* Именно противъ него я всѣми силами протестовалъ, доказывая, что всякій писатель уже заранѣе заподозривается, что къ нему относятся неразумно, подозрительно, что они сами не стараются найти средства къ тому, чтобы уничтожить это гибельное недоразумѣніе. Гибельное потому, что литературѣ тяжело находиться въ столь затруднительномъ положеніи. Цѣлыя отрасли искусства должны этимъ путемъ исчезнуть. Сатира, трагедія не могутъ существовать при такихъ условіяхъ. При строгости нашей нынѣшней цензуры не могутъ существовать Грибоѣдовы, Фонвизины и даже маленькіе Рёскины. Какъ представить себѣ теперь хотя бы ничтожную долю свободы! Цензоръ видитъ во всемъ намекъ, предполагаетъ, что за работою кроется что-нибудь ѣдкое, что это направлено противъ какого-либо лица или какого-либо положенія вещей. Со мною самимъ часто было, что, забывъ всю свою тоску, я искренно смѣялся по поводу того, что цензоръ находилъ въ моихъ писаніяхъ или въ писаніяхъ другихъ авторовъ что-нибудь вредное для общества и недопустимое въ печати.

«Я смѣялся потому, что въ наше время никому, кромѣ цензора, не могутъ придти въ голову подобныя подозрѣнія. Въ самой невинной и чистой фразѣ ищутъ преступную мысль, за которою гонятся, напрягая всѣ свои умственныя силы, какъ за вѣчно неизмѣнною идеею, которую самъ цензоръ создалъ, которую онъ, колеблясь между стра-

хомъ и недовѣріемъ, самъ снабдилъ плотью и кровью въ своемъ воображеніи, самъ нарисовалъ страшными, никогда не существовавшими красками, пока, наконецъ, не уничтожатъ своего фантома вмѣстѣ съ неповинною причиною его страха, первою безупречною фразою автора. Точно закрывая пороки и печальныя стороны жизни, закрываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ передъ глазами читателя настоящіе пороки и настоящія печальныя стороны жизни. Нѣтъ! Писатель, если онъ даже систематически скрываетъ отъ читателя эти печальныя стороны жизни, ничего отъ него не скроетъ, а скорѣе пробудетъ въ немъ подозрѣніе, что онъ не искренень, несправедливъ. Да развѣ можно рисовать только однѣми свѣтлыми красками? Какъ можетъ быть сдѣлана видимою свѣтлая сторона картины безъ темнаго фона? Можетъ-ли быть какая-либо картина, на которой не было бы одновременно свѣта и тѣней? Мы о свѣтѣ имѣемъ понятіе только потому, что есть и тѣни. Говорятъ: пусть описываютъ только преимущества и добродѣтели. Но мы не узнаемъ вовсе добродѣтели безъ порока; сами понятія добра и зла возникли вслѣдствіе того, что добро и зло всегда существовали рядомъ. Какъ только я захочу вывести на сцену грубость, порокъ, злоупотребленіе, надменность, — цензоръ тотчасъ же заподозритъ меня, будетъ думать, что я все это примѣняю ко всему безъ исключенія...»

«Меня обвиняютъ въ томъ, что я однажды вечеромъ прочиталъ у Петрашевскаго статью: «Переписка Бѣлинскаго съ Гоголемъ». Да, я прочелъ эту статью, но можетъ ли тотъ, кто указалъ на меня, сказать, на сторонѣ кого изъ обоихъ переписывавшихся я сталъ? Пусть онъ вспомнитъ было ли въ моихъ взглядахъ (которыхъ, впрочемъ, я не высказывалъ), или въ моихъ намѣреніяхъ, въ моихъ жестахъ что-нибудь такое, которое могло бы свидѣтельствовать, что я пристрастенъ къ тому или другому изъ нихъ! Конечно, онъ этого не скажетъ. Письмо Бѣлинскаго слишкомъ странно написано, чтобы оно могло встрѣтить симпатію съ чьей-либо стороны. Ругательства отталкиваютъ сердца вмѣсто того, чтобы привлекать, а все письмо исполнено ругательствъ и желчи. Наконецъ, письмо — примѣръ безъ доказательствъ, недостатокъ, отъ котораго Бѣлинскій никогда не могъ отрѣшиться въ своихъ критическихъ статьяхъ и который постепенно увеличивался по мѣрѣ истощенія его физическихъ и умственныхъ

силъ подъ вліяніемъ болѣзни. Письма эти были написаны въ послѣдніе годы его жизни, во время его пребыванія за границею. Въ теченіе нѣкотораго времени я былъ довольно близко знакомъ съ Бѣлинскимъ. Какъ человѣкъ онъ былъ одинъ изъ лучшихъ. Но болѣзнь, которая его сломила, сломила въ немъ также и человѣка. Она сдѣлала его умъ жестокимъ и рѣзкимъ и переполнила желчью его сердце. Его разстроенное, чрезмѣрное воображеніе увеличивало все до гигантскихъ размѣровъ и показывало ему только такія вещи, которыя онъ самъ былъ въ состояніи видѣть. У него появлялись недостатки и ошибки, которыхъ и слѣда не было въ здоровомъ состояніи. Между прочимъ, обнаруживалось чрезвычайно раздражительное и чувствительное самолюбіе. Въ газетѣ, въ составѣ сотрудниковъ которой онъ числился и въ которой работалъ вслѣдствіе болѣзни очень мало, — редакція связала ему руки и не давала ему писать слишкомъ уже серьезныя статьи. Это его оскорбляло. Подъ вліяніемъ этого настроенія онъ и написалъ свое письмо къ Гоголю. Въ мірѣ литераторовъ очень многимъ не безъизвѣстенъ мой споръ и мой окончательный разрывъ съ Бѣлинскимъ въ послѣдніе годы его жизни. Извѣстна также причина этого разлада: дѣло шло о взглядахъ на литературу и о направленіи ея. Мои взгляды были діаметрально противоположны взглядамъ Бѣлинскаго. Я упрекалъ его въ томъ, что онъ старается дать литературѣ особое, недостойное ея назначеніе, низводя ее *только* до описыванія, если можно такъ выразиться, *газетныхъ фактовъ* или скандальныхъ происшествій. Я именно возражалъ ему, что желчью никого не привлекаютъ и что смертельно можно надоѣсть всѣмъ и каждому, если останавливать перваго попавшагося намъ на дорогѣ, если хватать за пуговицу сюртука всякаго прохожаго, чтобы насильно прочитать ему проповѣдь и научить лучшему.

«Бѣлинскій сдѣлался золъ на меня и, такъ мы дошли, наконецъ, начиная съ охлажденія, до полнаго разрыва, такъ что въ теченіе послѣдняго года его жизни мы не разу не видѣлись. Мнѣ долго хотѣлось прочесть эти письма. Въ моихъ глазахъ переписка эта—довольно замѣчательный литературный памятникъ. Какъ Бѣлинскій, такъ и Гоголь чрезвычайно важныя личности. Ихъ взаимныя отношенія весьма интересны, тѣмъ болѣе для меня, такъ какъ я былъ знакомъ съ Бѣлинскимъ. Петрашевскій случайно

замѣтилъ у меня въ рукахъ это письмо и спросилъ: «что это такое?» Такъ какъ у меня не было времени показать ему тотчасъ же, то я обѣщалъ принести его въ пятницу. Я самъ вызвался это сдѣлать и долженъ былъ сдержать слово. Статью эту я прочиталъ, какъ литературный памятникъ, ни больше, ни меньше, твердо убѣжденный, что она никому не придется по вкусу, хотя она и не лишена нѣкотораго литературнаго значенія. Что касается меня, то я не согласенъ буквально ни съ однимъ изъ заключающихся въ немъ преувеличеній».

Далѣе Достоевскій доказываетъ неосновательность взводимыхъ на него обвиненій, ссылаясь на свои коренныя разногласія съ Петрашевскимъ и на общность и философскую подкладку этихъ споровъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ политикой. Въ заключеніе онъ говоритъ о Фурьеризмѣ, какъ системѣ, не скрывая къ ней критическаго отношенія.

«Петрашевскій вѣрить въ Фурье. Система Фурье — мирная: она очаровываетъ душу своею красотой, она захватываетъ сердце, благодаря той любви къ людямъ, которая воодушевляла Фурье, когда онъ создавалъ свою систему, заставляетъ умъ удивляться своей гармоніи и не только привлекаетъ къ себѣ, но воодушевляетъ всякаго любовью къ человѣчеству. Система эта чужда всякой ненависти. Политическихъ реформъ Фурье не требуетъ. Реформа его — экономическая. Она не посягаетъ ни на верховную власть, ни на собственность, и въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій палаты депутатовъ Викторъ Консидеранъ, представитель фурьеристовъ, торжественно отрекся отъ всякаго посягательства на семью. Наконецъ, система эта — теоретическая и никогда не сдѣлается популярною критическаго отношенія.

«Въ теченіе всего періода февральской революціи, фурьеристы ни разу не вышли на улицу, они оставались въ редакціи своей газеты, гдѣ болѣе чѣмъ въ теченіе 20 лѣтъ проводили время въ мечтаніяхъ о будущей красотѣ фаланстеры. Однако, система эта безусловно вредна, во-первыхъ, уже потому, что она система, во-вторыхъ, какъ бы она ни была прекрасна, она всегда останется не имѣющей значенія утопіей. Но вредъ, который утопія эта причиняетъ, скорѣе, если мнѣ позволятъ выразиться, комическій, чѣмъ страшный. Нѣтъ ни одной соціальной системы, которая была бы въ такой же степени не популярна,

которая была бы такъ осмѣяна и освистана, какъ система Фурье на западѣ. Она давно уже мертва и вожди ея сами не замѣчаютъ, что они уже больше ничто иное, какъ живые мертвецы. На западѣ, во Франціи. въ настоящую минуту всякая система, всякая теорія вредна для общества, такъ какъ голодные пролетаріи хватаются въ отчаяніи за всякое средство и изъ всякаго способа они въ состояніи сдѣлать себѣ знамя. Въ настоящую минуту тамъ дошли до крайности. Тамъ голодъ гонитъ людей на улицу, но о фурьеризмѣ забыли вслѣдствіе небрежнаго отношенія къ нему. И даже *кабетизмъ*, самое безсмысленное въ мірѣ, встрѣчаетъ гораздо больше симпатій. Что же касается насъ, Россіи, Петербурга, то стоитъ только сдѣлать двадцать шаговъ на улицѣ для того, чтобы убѣдиться, что фурьеризмъ на нашей почвѣ можетъ существовать только или на неразрѣзанныхъ страницахъ книги, или въ мягкой, спокойной, мечтательной душѣ, но не иначе, какъ въ формѣ идилліи, или въ видѣ поэмы въ 24 пѣсни. Фурьеризмъ не можетъ причинить серьезнаго вреда. Во-первыхъ, если бы онъ дѣйствительно заключалъ въ себѣ что-либо важное, то уже одно его распространеніе было бы утопіею, такъ какъ оно могло бы происходить безконечно медленно. Чтобы вполнѣ понять систему Фурье, нужно ее изучить; но это цѣлая наука, необходимо прочесть около 12 томовъ. Можетъ ли подобная система сдѣлаться популярною? Быть можетъ, съ каѳедры черезъ посредство учителей? Но это физически невозможно уже вслѣдствіе объема ученія Фурье. Повторяю, серьезнаго вреда система Фурье, по моему мнѣнію, причинить не можетъ и если какой-нибудь фурьеристъ вредитъ кому-либо, то только самому себѣ въ глазахъ общественнаго мнѣнія, въ глазахъ тѣхъ, которые обладаютъ здравымъ человѣческимъ разсудкомъ, такъ какъ по моему, нѣтъ ничего комичнѣе дѣятельности, не приносящей никому никакой пользы. Фурьеризмъ же и вмѣстѣ съ нимъ всякая система, существующая на западѣ, до того негодна для нашей почвы, до того претитъ нашимъ условіямъ, до того чуждъ характеру нашего народа, а съ другой стороны до того порожденіе Запада, до того продуктъ существующаго тамъ положенія вещей, въ которыхъ вопросъ о пролетаріатѣ рѣшается во что бы то ни стало, — что фурьеризмъ съ его настойчивою неизбѣжностью былъ бы теперь, у насъ, гдѣ нѣтъ никакого пролетаріата, чрезвычайно смѣшенъ, дѣятельность его — самою

безполезною, а въ своихъ слѣдствіяхъ — самою комическою. Я считаю Петрашевскаго болѣе разсудительнымъ и никогда бы не предположилъ, чтобы онъ пошелъ дальше теоретической оцѣнки системы Фурье. Все же прочее я готовъ считать шуткою. Фурьеристъ — несчастный, а не преступный человѣкъ, таково мое мнѣніе. Наконецъ, я держусь того взгляда, что ни одинъ парадоксъ, сколько бы ихъ ни было, не можетъ держаться самъ по себѣ собственными силами. Такъ учитъ насъ исторія. Доказательствомъ этого служитъ то, что въ теченіе одного года во Франціи пали почти всѣ системы и именно благодаря самимъ себѣ, какъ только дѣло дошло до малѣйшаго подкрѣпленія ихъ. Сопоставляя все это, я долженъ сказать, что если бы я даже и зналъ (а я не зналъ, повторяю еще разъ), что Петрашевскій, не отступая передъ всякими насмѣшниками, старался бы распространить систему Фурье, то я все-таки воздержался бы считать его вреднымъ для общества. Во-первыхъ, какимъ образомъ могъ бы Петрашевскій быть вреденъ въ качествѣ распространителя фурьеризма? Это выше моего пониманія. Онъ могъ бы быть смѣшнымъ, а не вреднымъ. Таково мое мнѣніе. И это-то я могу по совѣсти отвѣтить на поставленный мнѣ вопросъ. Наконецъ, у меня возникло соображеніе, о которомъ я не могу умолчать, соображеніе чисто человѣческаго свойства, которое вызвала во мнѣ сама жизнь. Я долго носилъ въ себѣ убѣжденіе, что Петрашевскій охваченъ нѣкотораго рода самолюбіемъ. Именно самолюбіе заставляло его устраивать вечера по пятницамъ, и самолюбіе именно было причиною того, что пятницы ему не надоѣли. Изъ самолюбія онъ доставалъ много книгъ и ему видимо нравилось, если знали, что у него рѣдкія книги. Впрочемъ, все это — только мое личное наблюденіе, предположеніе, такъ какъ, повторяю, все, что мнѣ извѣстно о Петрашевскомъ, извѣстно мнѣ неполно, не совсѣмъ, а только по предположеніямъ относительно того, что я видѣлъ и слышалъ».

«Вотъ мой отвѣтъ, я сказалъ правду».

№ 2. Рѣчь Ханыкова на обѣдѣ въ честь Фурье *)

«Я начинаю говорить съ тѣмъ увлеченіемъ, какое внушаетъ мнѣ и наше собраніе, и то событіе, которое мы празднуемъ здѣсь (т. е. рожденіе Фурье), событіе, влекущее за собою преобразованіе всей планеты и человѣчества, живущаго на ней». Далѣе Ханыковъ говорилъ въ своей рѣчи о законѣ побѣдителей и побѣжденныхъ, о борьбѣ сословій съ древности и до нашего времени и о томъ, что «въ этой борьбѣ надо признать неудовлетворенность страстей и что нейтрализировать, уничтожить этотъ законъ можетъ только ученіе Фурье». Далѣе Ханыковъ перешелъ къ характеристикѣ печальнаго состоянія тогдашней Россіи и въ заключеніе сказалъ: «весь недостатокъ и все изумительное величіе нашей системы, господа, есть новый міръ, открытый нашимъ учителемъ и совершенно противоположный дѣйствительному порядку вещей. Намъ, нашей школѣ слѣдуетъ пополнить пробѣлъ въ системѣ. Какъ открытіе ни будь истинно, благодѣтельно само по себѣ, но по невѣжеству большинства, вытекающему изъ теперешней организаціи общества, оно не можетъ быть принято скоро и повсемѣстно, и всякая новая идея выдерживала и выдерживаетъ до сихъ поръ борьбу упорную, сильную. Но не намъ бояться этой борьбы, когда ее вызвали неопровержимые доводы нашей науки, нашъ тѣсный, дружный союзъ на всѣхъ концахъ земного шара, во имя ея начала и закона... Преображеніе близко!»

№ 3. — Просьба М. В. Петрашевскаго Е. В. Господину Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

Поселенца Михаила Васильева сына Буташевича-Петрашевскаго

ПРОШЕНІЕ.

24 февраля 1860 года, подавая въ Иркутскій губернскій судъ апелляціонную жалобу, на неправильное и несогласное съ законами рѣшеніе Иркутскаго и Верхолен-

*) См. статью В. Семевскаго «Изъ исторіи крестьянскаго вопроса».

скаго окружного суда, дѣла объ искѣ моемъ съ титулярнаго совѣтника Пермикина, я лично удостовѣрился, что въ оном судѣ, къ дѣйствительному отправленію судейскихъ обязанностей допущенъ г. надворный совѣтникъ Меѳодій Молчановъ, въ званіи товарища предсѣдателя сего суда. Отъ г. Молчанова (по личнымъ его отношеніямъ ко мнѣ, проистекающимъ отъ соучастія его въ такъ называемой дуэли между гг. Беклемишевымъ и Неклюдовымъ) не могъ я ожидать безпристрастнаго разсмотрѣнія и рѣшенія дѣла моего на основаніи законовъ; почему для огражденія себя отъ несправедливости съ его стороны, я рѣшился воспользоваться предоставленнымъ законами всѣмъ тяжущимся правомъ: *Отвода судей по подозрѣнію* и именно на слѣдующихъ основаніяхъ: г. Молчановъ по соучастію его въ дѣлѣ умерщвленія г. Неклюдова находился и нынѣ еще находится подъ судомъ, по сему уголовному дѣлу. Нахожденіе какого либо лица подъ слѣдствіемъ или судомъ, за явное уголовное преступленіе, совершенно лишаетъ его права на отправленіе не только судейскихъ обязанностей, но и вообще какой бы то ни было должности въ государственной службѣ, по крайней мѣрѣ во все время нахожденія его подъ слѣдствіемъ или судомъ за таковое его преступленіе. Вслѣдствіе чего г. Молчановъ (не извѣстно въ силу чего допущенный къ отправленію судейскихъ обязанностей) *въ смыслѣ юридическомъ былъ* не только *лицемъ не способнымъ* къ разсмотрѣнію и рѣшенію моего дѣла; но и вообще *къ формальному отправленію какой бы то ни было должности на службѣ государственной.* Кромѣ сего, еще и того не слѣдуетъ упускать изъ виду, что присутствіе г. Молчанова въ судѣ и отправленіе имъ дѣйствительно судейскихъ обязанностей, при означенныхъ выше условіяхъ его къ тому инкомпетентности, *было по существу своему, новымъ нарушеніемъ имъ закона*, или его преступленіемъ, т. е. *сознательно совершеннымъ имъ порушеніемъ закона*, учиненнымъ имъ въ томъ самомъ мѣстѣ, которое по закону надлежитъ считать въ губерніи высшимъ святилищемъ закона!

Нравственный характеръ этого явленія, оригинальность такового личнаго состава суда — въ юридическихъ лѣтописяхъ благоустроенныхъ государствъ безпримѣрная, замѣчательная особенно тѣмъ, что преступникъ, судимый за уголовное преступленіе, въ самомъ судѣ его осудившемъ, является однимъ изъ важнѣйшихъ его членовъ, заклю-

чали въ себѣ уже не мало основаній, чтобъ побудить меня полагать, что рѣшеніе по дѣлу моему въ ономъ судѣ не можетъ воспослѣдовать иное, какъ не согласное съ законами; тѣмъ болѣе, что при такомъ личномъ составѣ иркутскаго губернскаго суда, *въ смыслѣ юридическомъ совершенно не приличномъ, самый судъ дѣлается какимъ то страннымъ ненормальнымъ явленіемъ, совершенно потерявшимъ характеръ законный судебнаго учрежденія.*

Устраненіе г. Молчанова отъ должности или воспрещеніе ему присутствовать и заниматься дѣлами суда въ званіи его дѣйствительнаго члена, возвращало суду, уничтожаемый присутствіемъ въ немъ г. Молчанова, характеръ законнаго учрежденія, вмѣстѣ съ тѣмъ оно до нѣкоторой степени служило къ обезпеченію меня въ томъ, что дѣло мое будетъ рѣшено съ соблюденіемъ закона и не вопреки справедливости. Руководствуясь такими моими соображеніями (болѣе видами общественной пользы нежели моими личными), я почелъ нужнымъ, вслѣдъ за подачею аппеляціонной моей жалобы, подать въ иркутскій губернскій судъ прошеніе объ отводѣ г. Молчанова, т. е. объ устраненіи г. Молчанова отъ участія въ разсмотрѣніи и рѣшеніи моего дѣла. Въ этомъ прошеніи изложилъ я причины, на основаніи которыхъ г. Молчановъ былъ не способенъ къ дальнѣйшему отправленію имъ судейскихъ обязанностей.

Копію съ прошенія моего объ отводѣ г. Молчанова, просилъ я моего повѣреннаго, г. губернскаго секретаря, Ивана Дмитріевича Подлѣснаго выслать вашему высокопревосходительству, дабы по оному вы могли судить о мѣрѣ пренебреженія, оказываемаго къ законамъ тѣми самыми лицами, которыхъ высочайшее довѣріе облекло въ званіе ихъ блюстителей.

Прошеніемъ моимъ объ отводѣ г. Молчанова, юридически мотивировалось, не только устраненіе его отъ занимаемой имъ должности, но и обусловливалось въ извѣстной степени удаленіе отъ должности и прочихъ лицъ сопричастныхъ къ дѣлу умерщвленія Неклюдова, хотя быть можетъ мѣра ихъ отвѣтственности и была, какъ слышно, умалена и ослаблена отъ того, что его сіятельство графъ Муравьевъ-Амурскій, умерщвленіе Неклюдова въ донесеніи своемъ къ его императорскому величеству, назвалъ дѣломъ чести (т. е. дуэли), вопреки очевидности т. е.

всѣмъ общеизвѣстнымъ въ Иркутскѣ обстоятельствамъ сего событія, исключающимъ всякую логическую возможность подобнаго воззрѣнія на фактъ смерти г. Неклюдова.

Означенное прошеніе мое объ отводѣ г. Молчанова не могло не возбудить противу меня тѣхъ лицъ, для которыхъ поруганія законовъ, оказываніе къ нимъ совершеннаго пренебреженія, не со вчерашняго дня, стало *дѣломъ чести своего рода*. Въ прошеніи моемъ объ отводѣ г. Молчанова, содержащееся напоминовеніе о нравственныхъ гражданскихъ, положительныхъ требованіяхъ закона, о его ограничительной силѣ — для прихотливаго административнаго произвола (сдѣланнаго лицомъ, въ смыслѣ юридическомъ, безправнымъ) не могло не показаться одною изъ тѣхъ оскорбительныхъ для самолюбія дерзостей, за которую *всякаго рода мщеніе* позволительно. Вотъ почему, ни нравственныя правила, ни сознаніе общественныхъ благоприличій, ни служебныхъ или гражданскихъ обязанностей, не могли уже воздержать ихъ отъ противузаконной рѣшимости употреблять противу меня, находящуюся въ ихъ распоряженіи административную власть, какъ силу или средство къ отомщенію мнѣ за таковое дерзновеніе *т. е. сдѣлать ее недостойнымъ орудіемъ своего произвола для моего угнетенія*. Быть можетъ въ новомъ злоупотребленіи власти, въ новомъ нарушеніи закона, т. е. въ новомъ преступленіи они искали новаго и полнѣйшаго удовлетворенія своимъ противузаконнымъ тенденціямъ. Угнетеніемъ моимъ они, можетъ быть надѣялись подавить въ себѣ то неловкое чувство смущенія, которое навело на нихъ неожиданное напоминовеніе о нравственномъ и положительномъ смыслѣ закона, о существованіи котораго имъ вовсе не хотѣлось помнить! Прошеніе же мое объ отводѣ г. Молчанова заставляло ихъ — его невольно признать.

Личность моя была для нихъ соблазнительнѣе всякой другой, такъ какъ въ отношеніи къ ней произволъ ихъ (какъ они предполагали), былъ менѣе стѣсненъ и ограниченъ, отсутствіемъ для нея тѣхъ юридическихъ гарантій, которыя существуютъ по закону для полноправаго гражданина. Кромѣ сего, юридически недѣйствительный приговоръ 1849 года, и понынѣ надо мною тяготѣющій своими послѣдствіями, дѣлалъ изъ меня для нихъ особенно удобную жертву. Имъ на мнѣ, какъ на лицѣ наименѣе гарантированномъ закономъ противъ чужого произвола, было

всего удобнѣе выказать безграничность ихъ произвола и самую ихъ власть — самовластительно; поступить со мною такъ, какъ бы всѣ верховныя права верховной, самодержавной власти имъ фактически принадлежали, ни мало не смущаясь опасеніями за это подвергнуться *надлежащей* отвѣтственности. Они въ семъ случаѣ могли быть явно несправедливыми съ полной увѣренностью въ совершенной за то ихъ безнаказанности...

Макіавелизмъ во внутренней администраціи производитъ тѣже послѣдствія какъ и въ политикѣ...

Благодаря сему, мнѣ было снова суждено, къ моему великому прискорбію и не одному стать въ положеніе весьма незавидное ягненка въ баснѣ «Волкъ и Ягненокъ» собственно потому только, что его сіятельство графъ Муравьевъ-Амурскій заблагоразсудилъ *объявить оффиціально дуэлью — убійство, вопреки очевидности.*

На третій день послѣ подачи мною апелляціонной жалобы и прошенія объ отводѣ, г. генералъ-маіоръ Корсаковъ, по распоряженію графа Муравьева-Амурскаго, исправляющій должность предсѣдательствующаго въ совѣтѣ главнаго управленія восточной Сибири, гласно предназначенный имъ въ генералъ-губернаторы восточной Сибири, потребовалъ меня къ себѣ 27 Февраля въ 12 часовъ дня, когда я къ нему явился, онъ мнѣ объявилъ: «что такъ, какъ до слуха его дошло, что я неприлично велъ себя въ присутственномъ мѣстѣ, то онъ приказываетъ мнѣ отправиться подъ арестъ въ полицію.» Вслѣдъ за тѣмъ г. Корсаковъ (не слушая моихъ объясненій т. е. просьбы моей о приказаніи произвести формальное слѣдствіе о неприличныхъ моихъ поступкахъ въ присутственномъ мѣстѣ мнѣ неизвѣстныхъ, и о наказаніи меня за то, если окажусь виновнымъ по суду и согласно закону) обратившись къ г. иркутскому полицмейстеру, подполковнику Сухотину (тому самому, который вмѣсто принятія мѣръ къ предупрежденію умерщвленія Неклюдова — фактъ его совершенія созерцалъ въ зрительную трубу съ высоты колокольни Успенской церкви, и ѣхалъ вмѣстѣ съ Беклемишевымъ нѣкоторое время къ мѣсту такъ называемой дуэли), приказалъ посадить меня въ полицію въ такъ называемую *секретную*, и никого не допускать къ свиданію со мною. Разсказывая объ этомъ обстоятельствѣ, я не могу не упомянуть о томъ, что въ семъ случаѣ г. Корсаковъ явился только исполнителемъ той программы,

(которая за нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ, была составлена участниками въ такъ называемой дуэли), наказанія тѣхъ, которые дерзали не одобрять ихъ поступковъ... Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до прибытія въ Иркутскъ графа Амурскаго предназначено было ими г. Корсакову (разумѣется не безъ душевнаго и сердечнаго его на то согласія), быть ея исполнителемъ. Относительно меня было первоначально рѣшено распорядиться слѣдующимъ образомъ: призвать меня къ себѣ, и не входя со мною ни въ какія объясненія, приказать мнѣ сѣсть въ заранѣе приготовленную кибитку для увоза меня изъ Иркутстка въ Туруханскъ. Г. Корсаковъ, какъ изъ вышеописаннаго видно, въ отношеніи ко мнѣ выполнилъ эту программу, незначительно измѣнивъ ее самопроизвольно. Важнѣйшее отступленіе отъ этой программы, въ отношеніи ко мнѣ состоитъ въ назначеніи г. Минусинска вмѣсто Туруганска, мѣстомъ моей новой ссылки въ ссылкѣ.

Лицо, сдѣлавшее это измѣненіе въ мѣстѣ назначенія моей ссылки, имѣетъ несомнѣнное право на мою за то благодарность и признательность. Но такъ, какъ истинные благодѣтели всегда бываютъ скромны, любятъ оставаться неизвѣстными, то я не рѣшаюсь смущать ихъ цѣломудренную скромность, и смѣю надѣяться, что эта причина непоименованія ихъ въ моемъ настоящемъ прошеніи будетъ принята и вашимъ высокопревосходительствомъ въ уваженіе.

Вслѣдствіе отступленія г. Корсакова отъ первоначальной программы совершенія моего увоза изъ Иркутска, *эффекта въ сценическомъ или въ театральномъ отношеніи оказалось меньше*, чѣмъ было разсчитано, но мѣра злоупотребленія власти и мѣра вреда, мнѣ причиненнаго, осталась—совершенно таже.

Эта программа преслѣдованій и гоненій не меня одного, и не на мнѣ первомъ начатыхъ, какъ слышно, съ благоразумной постепенностью и разсчитанной послѣдовательностью, неуклонно приводится въ исполненіе въ Иркутскѣ.

Такъ какъ у меня было слишкомъ много данныхъ для того, чтобъ полагать, что неизбѣжнымъ послѣдствіемъ для меня подачи апелляціонной жалобы моей и особенно прошеніе объ отводѣ г. Молчанова, будетъ удаленіе меня изъ Иркутска, то желая хоть нѣсколько обезпечить отъ вреднаго дѣйствія такой физической случайности, мои ма-

теріальные интересы (о которыхъ въ разныхъ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ, находящихся въ гор. Иркутскѣ, производилось и нынѣ еще производится разбирательство), я, на другой день по подачѣ мною въ Иркутскій губернскій судъ вышеозначенныхъ бумагъ, выдалъ довѣренность на ходатайство по всѣмъ дѣламъ, касающимся моей личности и имущества г. Подлѣсному. Самыя слова довѣренности моей, засвидѣтельствованной тогда же въ Иркутскомъ губернскомъ правленіи, могутъ удостовѣрить въ томъ, что въ это время въ удаленіи моемъ изъ Иркутска я былъ совершенно увѣренъ, такъ въ ней между прочимъ сказано: «что я покорнѣйше прошу г. Подлѣснаго принять на себя ходатайство по дѣламъ моимъ въ случаѣ отбытія моего изъ Иркутска *по причинамъ отъ меня независящимъ.*» *Говоря о моемъ увозѣ изъ Иркутска*, я не могу не сказать, что я никакъ не ожидалъ, чтобы мое удаленіе изъ Иркутска было совершено столь поспѣшно и столь для меня угнетательно, т. е. именно такъ, какъ оно было произведено на самомъ дѣлѣ.

Между выдачею мной довѣренности г. Подлѣсному и моимъ арестованіемъ не протекло и сутокъ, и какъ я по причинѣ другихъ занятій, нетерпѣвшихъ отлагательства, въ теченіи этого времени пользованія свободою въ Иркутскѣ, протекшаго послѣ подачи мною вышеозначенныхъ бумагъ въ Иркутскій губернскій судъ, не могъ успѣть передать г. Подлѣсному ни нужныхъ по дѣламъ моихъ бумагъ, ни сообщить ему многихъ свѣдѣній, лично мнѣ извѣстныхъ, необходимыхъ для разъясненія тѣхъ обстоятельствъ, о которыхъ упоминается въ моей аппеляціонной жалобѣ; почему какъ только прибылъ въ полицію съ г. Сухотинымъ, просилъ его передать г. Корсакову просьбу мою о разрѣшеніи г. Подлѣсному свиданія со мною, по вышеозначенной причинѣ.

Сія законная просьба моя осталась неудовлетворенной къ явному ущербу моему въ моихъ дѣлахъ.

Вечеромъ того же дня въ 11 часовъ ночи, по требованію г. частнаго пристава 1 части Мацкевича, вмѣстѣ съ нимъ отправился въ квартиру г. Полицмейстера, откуда неизвѣстно по чьему распоряженію и былъ увезенъ тогда же ночью подъ карауломъ казаковъ: сотника Разгильдѣева и казака Нарицына въ Шушинскую волость Минусинскаго округа.

Основываясь на словахъ г. Разгильдѣева, могу пред-

полагать, что тайный увозъ меня изъ Иркутска былъ учиненъ по распоряженію Корсакова, но сего не могу утверждать положительно, ибо таковое распоряженіе о тайномъ увозѣ моемъ изъ Иркутска никѣмъ мнѣ по сіе время формально не объявлено.

Въ ст. 805 т. XIV свод. зак. гражд. устава о ссыльныхъ изд. 1857 года, между прочимъ сказано: «Если ссыльно-поселенецъ, по какимъ-либо причинамъ, лично губернатору или генералъ-губернатору извѣстнымъ, признается подозрительнымъ и опаснымъ, то подвергается переселенію въ другіе, и особенно малолюдные округи той же или иной губерніи.

Судя по смыслу и буквѣ этой статьи, причина моего тайнаго и насильственнаго увоза изъ Иркутска должна быть, по крайней мѣрѣ *лично извѣстна г. Корсакову*, или другому административному лицу, о ней сдѣлавшему распоряженіе. Во всякомъ случаѣ *эта причина должна быть дѣйствительной, а не вымышленной*, и она не можетъ и не должна быть для меня тайной или недоступнымъ административнымъ секретомъ, хотя бы она и принадлежала къ области вымысла, и была лишена всякаго основанія въ дѣйствительности.

Это столь ясно, что доказательствъ не требуетъ.

Но такъ какъ такового объявленія о ней, мнѣ и по настоящее время формально не сдѣлано, не взирая на то, что уже протекло болѣе двухъ мѣсяцевъ, съ ночи насильственнаго и тайнаго моего увоза изъ г. Иркутска въ село Шушу, то я, какъ причину моего удаленія изъ г. Иркутска, такъ и самое о немъ распоряженіе, по сіе время никѣмъ мнѣ формально не объявленное, не могу не считать принадлежащимъ къ разряду такихъ, которые по свойствамъ своимъ боятся письменнаго обнаруженія, публичнаго оглашенія или обнародованія.

Самая сила гнетущихъ обстоятельствъ заставляетъ меня всепокорнѣйше просить ваше высокопревосходительство истребовать отъ неизвѣстной мнѣ власти объясненія причины моего насильственнаго и тайнаго увоза изъ Иркутска въ Шушу; я совершенно убѣжденъ, что для этой власти, для оправданія себя въ такомъ ея поступкѣ, нѣтъ возможности привести что либо дѣйствительное и справедливое, *что либо такое, что можно было не грѣша противъ совѣсти* вашему высокопревосходительству, *принять хотъ въ нѣкоторое уваженіе!*... Клевета и ложь,

одни только и могутъ послужить содержаніемъ такового объясненія на вашъ формальный запросъ.

Начала общественнаго благоустройства недопускаютъ, чтобъ какое бы то нибыло лицо было предаваемо безусловно въ жертву чьей бы то ни было прихоти, или чьему бы то нибыло произволу. Смѣю думать, что теперь не то мрачное для Россіи время, къ которое, какъ это прежде бывало, *конфиденціально* или *секретно сообщенная клевета, однимъ членомъ администраціи другому*, имѣла безконтрольно силу судебнаго безъ апелляціоннаго приговора для лица имѣвшаго несчастіе возбудить чѣмъ либо антипатію къ себѣ какого либо администратора; ибо мы живемъ подъ благимъ правленіемъ Александра II, публично и формально объявившаго, что онъ желаетъ: «чтобъ правда и справедливость царствовала въ судахъ, и была для всѣхъ руководительнымъ началомъ»,— и дѣлами своими подтверждающаго искренность и правдивость этихъ словъ.—Судя по отчету вашего высокопревосходительства по министерству внутреннихъ дѣлъ за 1856 г., я не могу не быть убѣжденнымъ, что вы стоите въ рядахъ истинныхъ сподвижниковъ его на поприщѣ преобразованій и улучшеній быта общественнаго, потому и пишу эти строки въ полной увѣренности, что вышеизложенная покорнѣйшая просьба моя будетъ исполнена, и что ваше высокопревосходительство *съ объясненія причинъ моего удаленія* изъ г. Иркутска, которое представлено или будетъ представлено *Иркутской администраціей*, благосклонно *прикажите сообщить мнѣ копію*.

Не зная его содержанія, я себя однакожъ считаю въ правѣ сказать заранѣе, что малѣйшая тѣнь, какого бы то нибыло подозрѣнія на меня въ немъ наброшенная—чтобъ оправдывать совершенное надо мною насиліе, будетъ лишена всякого основанія, и безъ всякаго преувеличенія она можетъ быть названа *низкой клеветой* или *гнусной ложью*. Предполагать такой случай возможнымъ (онъ есть только естественное послѣдствіе противузаконнаго распоряженія о моемъ тайномъ и насильственномъ увозѣ) есть дѣйствительное основаніе въ надобности чѣмъ нибудь оправдаться въ противузаконномъ моемъ угнетеніи и въ злоупотребленіи власти.

Вредъ отъ такой *конфиденціональной, секретно переданной клеветы* можетъ быть для меня особенно великъ, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ!..

Чтобъ на такую клевету смотрѣть, какъ на злорѣчіе частнаго человѣка, нужно слишкомъ много самолюбія и слишкомъ мало себялюбія; но на нее, какъ на злорѣчіе частнаго человѣка, нельзя отвѣчать однимъ гордымъ презрѣніемъ. Всякая подобнаго рода клевета требуетъ непремѣннаго ея изобличенія.

Лишеніе кого бы то ни было всѣхъ нужныхъ способовъ къ изобличенію клеветы подобнаго рода, особенно же лица юридически беззащитнаго, нельзя не считать однимъ изъ гнуснѣйшихъ видовъ юридическаго или политическаго убійства... Такія дѣла не должны и не могутъ чернить благого правленія Александра II. Вслѣдствіе чего и пишу теперь въ полной увѣренности, что вашимъ высокопревосходительствомъ будетъ дана мнѣ возможность воспользоваться естественнымъ, неотъемлемымъ общечеловѣческимъ правомъ изобличенія той клеветы, которая можетъ быть для меня пагубна. Кромѣ сего я совершенно увѣренъ, что особенность, такъ сего дѣла, такъ и моего настоящаго положенія, не будетъ оставлена вашимъ высокопревосходительствомъ безъ надлежащаго вниманія, — и что я изъ за моей только гражданской неполноправности не буду осужденъ чрезмѣрно претерпѣвать отъ чьей бы то нибыло несправедливости или прихотливаго произвола.

Сообщеніе вашему высокопревосходительству такого объясненія Иркутской администраціи, вашимъ высокопревосходительствомъ мнѣ, для дачи по оному надлежащаго объясненія, или отвѣта должно раскрыть истину дѣла, и можетъ дать заключеніямъ и рѣшеніямъ вашего высокопревосходительства, по этому дѣлу такую положительность, которая одна только и можетъ удовлетворить требованіямъ законности и справедливости, а для меня, не взирая на мою юридическую безправность, замѣнить тѣ гражданскія гарантіи, которыя не существуютъ для меня, по принадлежности моей къ сословію весьма непочетному и отъ мѣстной администраціи мало почитаемому ссыльнопоселенца.

Въ силу сихъ причинъ и нравственныхъ основаній обращаюсь къ вашему высопревосходительству, какъ къ оффиціальному блюстителю внутреннаго общественнаго благоустройства, какъ къ высшему охранителю спокойнаго пользованія личными и имущественными правами, всѣхъ живущихъ въ Россіи, и повторяю мою всепокор-

нѣйшую просьбу: *Приказать съ вышеозначеннаго объясненія Иркутской администраціи причинъ моего тайнаго и противузаконнаго увоза мнѣ сообщить формально копію.*

Тайный и насильственный увозъ меня въ Шушинскую волость Минусинскаго округа изъ г. Иркутска, сдѣланный, какъ кажется, по распоряженію или съ вѣдома и одобренія г. Корсакова, въ смыслѣ административномъ *есть распоряженіе противузаконное*, ибо оно совершено съ нарушеніемъ установленнаго на сей предметъ порядка, и именно оно противно примѣчанію къ ст. 805 т. XIV устава о ссыльныхъ изд. 1857 г., *въ которомъ не безъ цѣли сказано:* «назначенія самыхъ округовъ въ кои ссыльно-поселенцы должны быть переселяемы на основаніи сей статьи дѣлается министромъ внутреннихъ дѣлъ по сношеніямъ съ главными управленіями.» На основаніи сего закона г. Корсакову надлежало сдѣлать представленіе вашему высокопревосходительству о моемъ переселеніи, и безъ утвержденія его вашимъ высокопревосходительствомъ не дѣлать подобнаго распоряженія, *а тѣмъ болѣе превращать переселеніе въ какой то странный, таинственный и насильственный увозъ* меня изъ Иркутска. Чрезъ не соблюденіе сего установленнаго порядка, совершено Иркутской администраціей: — или превышеніе власти ей принадлежащей, или сдѣлано присвоеніе власти принадлежащей вашему высокопревосходительству, или оказано пренебреженіе къ правамъ вашего высокопревосходительства, какъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Такой характеръ имѣло бы распоряженіе г. Корсакова, еслибъ я принадлежалъ къ разряду обыкновенныхъ поселенцевъ; но мѣра противузаконности распоряженія г. Корсакова, о моемъ тайномъ увозѣ изъ Иркутска усиливается слѣдующимъ обстоятельствомъ, которое не должно остаться невѣдомымъ и его императорскому величеству. Высочайшимъ именнымъ повеленіемъ отъ 26 августа 1856 г. вмѣстѣ съ освобожденіемъ меня на поселеніе изъ каторжной работы, предоставлено мнѣ было право самому избрать мѣсто моего жительства: объявленіе о таковомъ выборѣ и было мною сдѣлано. Вслѣдствіе чего выселеніе мое изъ избраннаго мною мѣста жительства не могло иначе воспослѣдовать, какъ въ силу новаго высочайшаго, именного повелѣнія, лишающаго меня сего права, или въ силу судебнаго приговора. Распоряженіе г. Корсакова

объ увозѣ меня изъ г. Иркутска, нарушившее высочайшее повелѣніе, есть противузаконное дѣйствіе, за которое опредѣляется взысканіе ст. 371 т. XV свд. зак. уголовныхъ изд. 1857 г. I части.

Вслѣдствіе чего вышеозначенное распоряженіе г. Корсакова, о увозѣ моемъ изъ Иркутска, какъ превышающее предѣлы власти ему предоставленной закономъ, и какъ отмѣняющее высочайшее именное повелѣніе, я въ правѣ, по закону, считать для меня юридически не обязательнымъ, и видѣть въ немъ не актъ законной власти, *но дѣло личнаго произвола самоуправства, простое физическое насиліе,* которое принадлежитъ по свойствамъ своимъ, къ одному изъ тѣхъ видовъ лишенія свободы, за которое учинившіе таковое дѣяніе лица, подлежатъ отвѣтственности на основаніи ст. 2104, т. XV части I свода зак. угол. изд. 1857 г.

На основаніи нѣкоторыхъ весьма достовѣрныхъ данныхъ я могу заключить, что г. Корсаковъ сдѣлалъ вышеозначенное противузаконное распоряженіе для удовлетворенія желаній или по настояніямъ тѣхъ лицъ, о предосудительныхъ дѣйствіяхъ и тяжкихъ по закону злоупотребленіяхъ которыхъ, было упомянуто въ моей аппеляціонной жалобѣ Иркутскому губернскому суду, и при оной нѣкоторые изъ документовъ, удостовѣряющихъ въ томъ были туда-же представлены. Что это обстоятельство и было дѣйствительной причиной тайнаго и насильственнаго удаленія меня изъ г. Иркутска, въ этомъ ваше высокопревосходительство можетъ убѣдиться изъ разсмотрѣнія моей аппеляціонной жалобы, засвидѣтельствованную копію которой я и поручилъ моему повѣренному выслать вашему высокопревосходительству.

Если даже человѣкъ богатый при переселеніи своемъ и по своему желанію не можетъ избѣжать многихъ неудобствъ, сопряженныхъ со всякимъ перемѣщеніемъ на новое мѣсто жительства; если и простой переѣздъ съ одной квартиры на другую и въ большомъ городѣ, гдѣ удобствъ для всего болѣе, не обходится безъ потерь или ущерба въ хозяйствѣ, то такія потери въ значительной степени возрастаютъ тогда, когда переселеніе чинится не по доброй волѣ переселяющихся,—а по чужому приказу, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда заранѣе опредѣленъ срокъ переселенія, и назначено довольно продолжительное время, въ теченіи котораго переселяющійся можетъ и долженъ при-

готовиться къ отбытію своему въ новое мѣсто жительства. Сколь-же стѣснительно, угнетательно и раззорительно должно быть неожиданное поспѣшное и насильственное перемѣщеніе изъ постояннаго мѣста жительства, въ мѣсто отдаленное, человѣка недостаточнаго, въ такое мѣсто, гдѣ все сулитъ ему претерпѣвать нужду, и *когда такому лицу не дается даже и часа времени* на его приготовленіе къ тому его отправленію или перемѣщенію! Выразить это словами трудно. Надо быть самому въ такомъ положеніи, чтобъ имѣть ясное представленіе объ угнетательномъ свойствѣ подобнаго дѣйствія, о мѣрѣ его оскорбительности для нравственнаго чувства и достоинства человѣческаго. Я считаю излишнимъ распространяться въ изъясненіи этого, ибо совершенно увѣренъ, что одно простое указаніе въ эту сторону подобнаго дѣйствія относительно меня, не можетъ не возмутить сердца вашего высокопревосходительства, и не воспроизвести въ немъ тѣхъ тягостныхъ ощущеній, кототорыя не могутъ не смущать души всякаго человѣка, не лишеннаго истиннаго благородства чувствъ и гуманности, при видѣ какого бы то нибыло оскорбленія или униженія достоинства человѣческаго, совершеннаго съ изощренной злобою варварски-грубымъ насиліемъ!..

Такія перемѣщенія могутъ казаться нормальнымъ явленіемъ даже и у насъ въ Россіи, только *присяжнымъ курьерамъ* или при воззрѣніи администраціи на всѣ гражданскія и экономическія отношенія общественной жизни съ *курьерской точки зрѣнія*». Еслибъ такому воззрѣнію, по странной игрѣ случая, суждено было стать руководительнымъ началомъ гдѣ либо въ администраціи, то можно думать, что такое воззрѣніе породило бы не мало оригинальныхъ, и своеобразныхъ явленій неизвѣстныхъ въ благоустроенномъ обществѣ.

Чтоже сказать, о такомъ курьерскомъ перемѣщеніи частнаго недостаточнаго лица, изъ того мѣста, гдѣ онъ въ трудѣ, по способностямъ, находитъ средства къ безбѣдному содержанію, въ такую мѣстность, гдѣ его способности должны оставаться безъ производительнаго для него и другихъ употребленія; въ то самое время, когда присутствіе его въ томъ самомъ мѣстѣ, откуда его тайно, противузаконно и насильственно увозятъ, особенно необходимо ему по дѣлу могущему доставить ему въ извѣстной степени матерьяльное обезпеченіе, такое, которое можетъ

его совершенно вывести изъ тягостнаго положенія неимущаго пролетарія. Развѣ такое перемѣщеніе, по существу своему, по производимымъ имъ послѣдствіямъ, не есть обдуманно совершаемое его раззореніе!...

Даже и съ курьерскимъ воззрѣніемъ на общественныя отношенія, оно *не можетъ быть логически оправдано.*

Вслѣдствіе этого я могу полагать, что желаніе лишить меня матерьяльныхъ средствъ къ жизни, какъ въ настоящее время, такъ и средство къ моему обезпеченію въ будущемъ, есть одна изъ дѣйствительныхъ причинъ удаленія меня изъ г. Иркутска, *лично извѣстная* неизвѣстной мнѣ административной власти имъ распорядившейся. Такія дѣйствительныя причины не удобны для ихъ формальнаго объявленія, и ихъ необходимо замѣнять заимствованными изъ области вымысла. — Въ сихъ особенныхъ случаяхъ *конфиденціональныя или секретныя* сообщенія замѣняютъ всѣ другіе юридическіе и легальные акты. Та-же личность. до которой ихъ содержаніе касается, облекалась прежде обыкновенно въ званіе жертвы осужденной безмолвствовать, и противъ своихъ угнетателей нигдѣ не находитъ ни суда законнаго, ни справедливой расправы... Этотъ обычай состоялъ въ числѣ охранительныхъ мѣръ стараго порядка – въ старое время!... Хотя, не только духъ настоящаго времени ему противенъ, но и самымъ направленіемъ дѣятельности высшаго правительства онъ осужденъ положительно, но такъ какъ въ старости съ привычками и обычаями всякому тяжело разставаться, то естественно думать, что Иркутская администрація, какъ состоящая изъ плоти и крови, не могла совершенно отъ нихъ отстать и не пытаться имъ слѣдовать въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это можетъ казаться полезно и выгодно. Вслѣдствіе этого я не могу не думать, чтобъ современно съ тайнымъ увозомъ меня изъ Иркутска не было Иркутской администраціей не сдѣлано таковаго рода *конфиденціональное-секретное* сообщеніе вашему высокопревосходительству. *Если такое сообщеніе было ею представлено, то всепокорнѣйше прошу* ваше высокопревосходительство *сообщить мнѣ съ него копію для представленія на оное такого объясненія, какое можетъ потребовать самое содержаніе онаго сообщенія.*

По слуху дошедшему до меня въ Минусинскъ поспѣшность и таинственность моего увоза изъ Иркутска (фактъ удаленія моего оттуда былъ рѣшенъ моею аппеля-

ціею и прошеніемъ объ отводѣ) была мотивирована слѣдующими извѣстіями, тогда распространившимися въ г. Иркутскѣ: 1) что на дняхъ *должна прибыть комиссія для производства новаго слѣдствія объ умерщвленіи г. Неклюдова*, слухъ объ этомъ не разъ приводилъ власти въ смущеніе, и былъ источникомъ смѣшного.—Такъ, какъ я былъ изъ лицъ, по сему дѣлу собиравшихъ свѣденія съ самаго начала этого дѣла, то въ видахъ предупрежденія открыть истины сего дѣла, нельзя было не признать за необходимое немедленно удалить меня изъ г. Иркутска подальше и въ сторону отъ главнаго почтоваго тракта. 2) что въ С.-Петербургѣ назначена и должна быть въ непродолжительномъ времени, *слѣдственная комиссія для ревизіи управленія Восточной Сибири за послѣднія 10 лѣтъ*, съ спеціальной инструкціей для разсмотрѣнія дѣлъ внутренняго управленія, состоящихъ въ связи съ пріобрѣтеніемъ Амура и его заселеніемъ, и для того, чтобъ взглянуть на благосостояніе козачества не съ офицерской точки зрѣнія и декоративнаго искуства и т. п... такъ какъ мнѣніе мое, основанное на фактахъ, о неудовлетворительности многихъ и «блистательныхъ» административныхъ мѣръ было слишкомъ извѣстно, *ибо я его и передъ графомъ Амурскимъ тогда не скрывалъ*. Льстивыя же хвалы вредныхъ для общественнаго благосостоянія ошибокъ, хоть и выгодныя, — для меня болѣе чѣмъ для другого были предосудительны... Это обстоятельство вмѣстѣ съ слухомъ о томъ, что высшее правительство рѣшилось принять мѣры, къ отысканію дѣйствительныхъ средствъ къ удовлетворенію потребностей сего края, *какъ бы позабытаго*, и что ими предназначено *положить конецъ возможности систематически ими жертвовать для эффектовъ*, тоже было не безъ вліянія на мое удаленіе, какъ и еще 3) слухъ о томъ, что г. Корсакову—*не быть генералъ-губернаторомъ* въ В. Сибири, хотя на эту должность его сіятельство графъ Амурскій гласно его предозначилъ, но что его величествомъ назначенъ новый г. генералъ-губернаторъ въ В. Сибирь, *который уже и ѣдетъ*, что ему поручено *анархическое* состояніе администраціи привести въ порядокъ; прирѣзать въ В. Сибири, широкораскинувшіяся вѣтви непотизма и *фаворитизма*, даже провѣрить: лица въ В. Сибири, по представленіямъ изъ оной удостоенныя высочайшихъ наградъ, имѣютъ ли дѣйствительное право на оное своими

заслугами и что недостойныхъ положенс судебными рѣшеніями, поставить въ то положеніе, котораго они окажутся достойными; что также рѣшено устранить отъ должностей не имѣющихъ право по закону ихъ занимать. — Однимъ словомъ, по народному говору, новому генералъ губернатору было предписано, установить правомѣрность во всѣхъ отношеніяхъ, и мѣстныя административныя тенденціи привести въ соотвѣтственность съ гуманнымъ истинно прогрессивнымъ направленіемъ высшаго правительства.

Эти слухи можетъ быть и были невѣрны, но они весьма замѣчательны тѣмъ, что въ нихъ выражается сознаніе дѣйствительныхъ общественныхъ нуждъ и потребностей,—ибо гласъ народа, во многихъ случаяхъ (особенно сихъ) есть гласъ Божій, могущій иногда предварять правителей и правительства (разумѣется только тамъ, гдѣ нѣтъ Парламентовъ) о томъ, что имъ надлежитъ дѣлать, или о томъ, чего имъ не слѣдуетъ совершать.

Если этимъ прорицаніямъ народнаго голоса суждено исполниться, то отъ этого выиграетъ: какъ благосостояніе цѣлой страны, такъ и самое правительство, возвращая закону утраченную имъ здѣсь силу, новые источники государственныхъ доходовъ откроются, существованіе которыхъ нельзя было и подозрѣвать при хаотическомъ состояніи дѣлъ.

Изъ вышесказаннаго и безъ дальнѣйшихъ подробнѣйшихъ объясненій для всякаго можетъ быть ясно, а тѣмъ болѣе для вашего высокопревосходительства, которому дѣла подобнаго рода и должны быть извѣстны, что удаленіе меня изъ г. Иркутска *есть ничто иное, какъ дѣло личной вражды, ненависти тѣхъ*, о злоупотребленіяхъ которыхъ я дерзнулъ упомянуть въ моей апелляціи, и что лицо, распорядившееся моимъ удаленіемъ изъ Иркутска, было покорнымъ орудіемъ ихъ страстей, страховъ и ихъ кичливаго произвола.

Если 27 февраля удаленіе меня изъ Иркутска, вслѣдствіе незаконно сложившихся обстоятельствъ, могло показаться для Иркутской администраціи, чѣмъ то въ родѣ *Иркутской государственной необходимости*, игрой безусловно необходимой для поддержанія обаятельности блеска своей власти, для внушенія городу страха къ себѣ при сознаваемомъ ею самою недостаткѣ нравственныхъ правъ на общее уваженіе. Если 27 февраля по личнымъ

своимъ свойствамъ Иркутская администрація могла себя считать потрясенной легально, сущностью содержанія моего прошенія объ отводѣ г. Молчанова, потому что имъ, сверхъ удаленія отъ должности г. Молчанова, юридически обусловливалось удаленіе отъ должностей и прочихъ соучастниковъ сего дѣла, какъ напр. гг. Беклемишева, Анненкова, Гурьева, Сухотина, Шелихова, Извольскаго и другихъ. Не могу думать, чтобъ иркутская администрація, какъ она пренебрежительно ни смотрѣла на законъ и какъ ни обращалась съ нимъ *барственно*, она не могла не почувствовать надъ собою нравственнаго гнета юридическихъ послѣдствій, которые какъ грозные для нея призраки представлялись ей смѣло возстающими изъ словъ прошенія моего объ отводѣ г. Молчанова. Эти послѣдствія хотя и не обусловливались вовсе ни моей личностью, ни фактомъ моего пребыванія въ городѣ Иркутскѣ, но тѣмъ ложнымъ положеніемъ, въ которое она поставила себя въ отношеніи къ обществу, закону, высшему правительству и даже верховной власти, своими противузаконными дѣйствіями во всемъ, что только соприкасалось къ дѣлу объ убійствѣ Неклюдова... Мое неожиданное напоминовеніе о требованіяхъ закона, смутивши ихъ, вѣроятно тоже подѣйствовало на ихъ воображеніе достаточно сильно, такъ что имъ представилось, *что будто отъ меня собственно и зависитъ заставить ихъ блюсти пренебреженные ими законы!!*...

Отъ этого не труденъ переходъ къ мысли и положительному убѣжденію въ томъ, что для того, чтобы избѣжать этого, стоитъ только удалить меня изъ г. Иркутска... и тогда... безпокойный призракъ закона изчезнетъ!... Взрослые и разумные люди улыбаются и не безъ грусти если видятъ, что худо воспитанный ребенокъ бьетъ тотъ предметъ, о который ему довелось ушибиться.

Если же подобно этому поступаетъ администрація? Что о ней тогда слѣдуетъ думать?... Рѣшеніе этого вопроса предоставляю нашему высокопревосходительству, ибо у васъ, какъ у министра внутреннихъ дѣлъ, должны находиться въ рукахъ всѣ нужныя къ тому данныя. Я не могу думать, чтобъ вопросъ объ некомпетентности соучастниковъ въ дѣлѣ умерщвленія г. Неклюдова къ отправленію ими должностей, *столь формально и категорически мной поставленный, не была уже теперь* (въ теченіе столь продолжительнаго времени) разрѣшенъ надлежащимъ

по закону образомъ ни глав. управ. В. Сибири, ни предсѣдательствующимъ въ совѣтѣ главн. управ. В. Сибири. Если же его разрѣшенія и по сіе время не послѣдовало, то можно ли считать въ Иркутской губерніи права личности и собственность обезпеченными властью отъ всякихъ произвольныхъ нарушеній? Если такъ это на дѣлѣ, то разумное правительство знаетъ, что ему надлежитъ дѣлать. Печатныя изобличенія — не есть еще уничтоженіе злоупотребленій, но только на него указаніе, не дѣло—но приступъ къ дѣлу. Положимъ, что Иркутской администраціи нужно было 27 февраля удаленіе мое изъ Иркутска, для того чтобъ поразительно и блистательно проявить свое всемогущество; можно думать, *что эта политическая или нравственная цѣль моего удаленія* имъ вполнѣ уже достигнута, и не долженъ успокоить тотъ матерьяльный вредъ, который учиненъ мнѣ удаленіемъ моимъ изъ Иркутска, и изъ него болѣе чѣмъ двухъ мѣсячнымъ отсутствіемъ... нынѣ уже нѣтъ вышеозначенныхъ препятствій для моего пребыванія въ Иркутскѣ, имъ никакъ уже нельзя на это ссылаться, какъ и отрицать того, что я никогда и нигдѣ въ г. Иркутскѣ буйствъ и безчинствъ не дѣлалъ. Еслибъ нужно было въ этомъ удостовѣреніе, то я совершенно увѣренъ, что многіе изъ Иркутскихъ обывателей, чиновниковъ и даже полицейскія власти не откажутся объ этомъ письменно и формально засвидѣтельствовать... Почему мое пребываніе въ Иркутскѣ ни въ какомъ случаѣ нельзя считать опаснымъ для общественнаго спокойствія и противнымъ порядку или благочинію. Точно также Иркутской администраціи нельзя отрицать, что мнѣ по дѣламъ (по нѣкоторымъ по ея неблагорасположенію противузаконно лишенъ должнаго удовлетворенія) необходимо быть въ г. Иркутскѣ, для приведенія ихъ въ порядокъ, для устраненія хотя нѣкоторой части тѣхъ убытковъ, которые претерпѣваю вслѣдствіе тайнаго и насильственнаго увоза моего изъ Иркутска въ Минусинскій округъ. Этотъ увозъ повергнулъ меня въ крайность: не могу думать, чтобъ именно мое разореніе чрезъ удаленіе изъ Иркутска, или мое небытіе въ немъ было необходимымъ условіемъ или залогомъ преуспѣянія административныхъ дѣлъ въ Иркутскѣ, для удачи дипломатической въ сношеніяхъ съ Японіей или Китаемъ, для того, что изобличенная г. Завалишинымъ ложь, стала для кого нибудь истиной, а правдивыми такими указаніями

могло пренебрегать высшее правительство или допускать себя кому либо явно или нагло обманывать! Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго *покорнѣйше прошу* ваше высокопревосходительство *распоряженіе г. Корсакова* или другого лица о моемъ удаленіи изъ Иркутска, какъ противузаконное и лишенное всякаго для себя основанія въ дѣйствительности, но для меня раззорительное и угнетательное — *отмѣнить и мнѣ разрѣшить прибыть въ Иркутскъ для приведенія дѣлъ моихъ въ порядокъ.* Личное мое присутствіе необходимо сверхъ того для чтенія записки изъ дѣла моего въ Иркутскомъ губернскомъ судѣ, для рукоприкладства на оной, объявленія на рѣшеніе удовольствія или неудовольствія, что кромѣ меня никто не можетъ удовлетворительно выполнить. Разсмотрѣніе моей аппеляціонной жалобы въ томъ можетъ удостовѣрить—ваше высокопревосходительство; почему о таковомъ разрѣшеніи вашимъ высокопревосходительствомъ прибытія моего нынѣ же всепокорнѣйше *прошу сообщить мѣстному Начальству для надлежащаго исполненія т. е. предписать о непрепятствованіи мнѣ отправиться въ Иркутскъ и такъ находиться до приведенія тяжебныхъ и исковыхъ дѣлъ моихъ въ окончательное положеніе.*

Послано Мин. Внутр. дѣлъ, дня 9 мая 1860 г. изъ Минусинска.

Библіографія.

1. Арефьевъ, В.— «М. В. Буташевичъ-Петрашевскій въ Сибири», Рус. Стар., 902 г., № 1.
2. Арсеньевъ, К. К.—«Политическій процессъ 1869-1871 гг.», Вѣст. Евр., 71 г., № 11.
3. Ахшарумовъ, Д. Д.—«Изъ моихъ воспоминаній», В. Евр., 901 г., № 11-12; Міръ Божій, 904 г., № 1-3.
4. Базилевскій, Б.—«Государственныя преступленія въ Россіи», т. I.
5. Бакунинъ, М. — «Письма къ Герцену и Огареву».
6. Бурцевъ, В.—За сто лѣтъ».
7. Бѣлинскій, В. Г. — «Письмо къ Гоголю» (Полярная Звѣзда на на 1855 г. и отдѣльныя изданія: 1880 г. (Драгоманова) и 1899 г.
8. Венгеровъ, С.—«Петрашевцы» (Брокгаузъ, словарь, т. 45).
9. Веселовскій, К. С. — «Воспоминанія».
10. Войновъ, В.—«М. В. Петрашевскій-Буташевичъ» (Русскій біографическій словарь», Спб., 1902 г.).
11. Головачева-Панаева. — «Русскіе писатели и артисты» (Воспоминанія, Спб.).
12. «Докладъ генералъ-аудиторіата о тит. сов. Буташевичѣ-Петрашевскомъ и о другихъ лицахъ».
13. Достоевскій, Ѳ.—«Дневникъ писателя.»
14. — «Показанія», Космополисъ, 98 г.
15. — «Оправдательная записка», Міръ Бож., 98 г., № 9.
16. Зотовъ, В. Р. — «Петербургъ въ 40-хъ годахъ», Истор. Вѣстн., 90 г., № 6.
17. Зотовъ, В. Р.—«Наши энциклопедическіе словари», Ист. Вѣстн., 88 г.; Рус. Стар., 81, 88, 89, 90, 900 гг.
18. Герценъ, А. И.—«Историческій Сборникъ», т. II.
19. Кирилловъ.— «Словарь иностранныхъ словъ», 2 вып.
20. Ковалевскій, П. М. — «Итоги жизни» (повѣсть), В. Евр., 83 г., № 1-3.
21. Корфъ, М. А., баронъ.—«Записки».
22. Кузьминъ, П. А.—«Воспоминанія», Рус. Ст., 95 г., № 2-4.
23. Липранди.—«Мнѣніе», Полярная Звѣзда, 62 г., № 7.
24. — «Записка», Рус. Стар., 72 г., № 7.
25. Львовъ.—«Изъ воспоминаній ссыльно-каторжнаго», Современникъ, 61 г., № 9.

26. Миллеръ, О — «Матеріалы для жизнеописанія Ѳ. М. Достоевскаго» (Собр. сочин. Достоевскаго, изд. 83 г., т. I).
27. Милюковъ.—«Воспоминанія», Русск. Стар., 81, № 3.
28. «Общество пропаганды въ 1849 году», Лейпцигъ, 1875 г., изданіе Э. Каспровича.
29. «О воспоминаніяхъ Д. Ахшарумова», Міръ Божій, 901 г., № 12; 902 г., № 1.
30. Огарева-Тучкова, Н. А. — «Воспоминанія», Москва, 903 г., изданіе Сабашниковыхъ.
31. Пальмъ.—«Алексѣй Слободинъ» (романъ), В. Евр , 72 г., № 10-12; 73 г., № 2-3.
32. Петрашевскій, М. В. — «Просьба министру внутреннихъ дѣлъ», Колоколъ, 61 г., № 92, 93.
33. «Правительственное заявленіе о дѣлѣ петрашевцевъ», Русскій Инвалидъ отъ 22 дек. 1849 г., № 276.
34. Пыпинъ, А. Н.—«Характеристики литературныхъ мнѣній.»
35. Рубинштейнъ, А. Г.— «Автобіографія», Рус. Стар., 89 г., № 11.
36. Салтыковъ, М.—«Запутанное дѣло», Отеч. Зап., 48 г., № 3.
37. Семевскій, В.—«Крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. II.
38. — «Очерки изъ исторіи крестьянскаго вопроса», Русская Старина, 87 г.
39. Семевскій, В. — «Изъ исторіи крестьянскаго вопроса», Сборникъ Правовѣденія, т. I.
40. Семевскій, В. — «Изъ исторіи общественныхъ идей въ концѣ 40-хъ годовъ» (Сборникъ «На славномъ посту»).
41. Скабичевскій, А.—«Очерки по исторіи русской цензуры», ч. LVI, Отеч. Записки, 83 г., № 11.
42. Струве.—«Воспоминанія», Рус. Вѣстн., 88 г., № 4-6, 10-11.
43. Толь.—«Записки о Керевскомъ заводѣ», Современникъ, 63 г., № 4.
44. Тунъ, А. — «Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи», Женева, 1903 г.
45. «Убійство Неклюдова въ Иркутскѣ», «Подъ Судъ», № 2, изданіе А. И. Герцена.
46. Флеровскій, Н.—«Три политическія системы», Лондонъ, 1897 г.
47. Черевинъ —«Достоевскій въ Омскомъ острогѣ», Русск. Старина, 89 г., № 2.
48. Шумахеръ, А. Д. — «Позднія воспоминанія о давно минувшихъ временахъ.» Вѣстн. Евр., 99 г., № 3.
49. «Юстиція и Буташевичъ-Петрашевскій», Колоколъ, № 49, 50.

Къ нашимъ читателямъ.

Мы приступили къ изданію «Матеріаловъ къ изученію исторіи революціоннаго движенія въ «Россіи», но составленіе этихъ «Матеріаловъ» сопряжено съ большими затрудненіями, прежде всего вслѣдствіе недостатка въ различныхъ рѣдкихъ нелегальныхъ изданіяхъ и документахъ. Мы обращаемся поэтому къ нашимъ читателямъ и убѣдительно просимъ ихъ прислать намъ, хотя-бы на просмотръ и на использованіе различныя рѣдкія революціонныя изданія, воспоминанія революціонныхъ дѣятелей, ихъ переписку, ихъ біографіи, ихъ рѣчи, обвинительные акты по политическимъ процессамъ, рѣчи защитниковъ, карточки политическихъ дѣятелей и т. п.

Предлагаемъ для лицъ, желающихъ намъ помочь въ указанномъ дѣлѣ, краткій списокъ тѣхъ изданій и документовъ, которые необходимы для болѣе подробнаго составленія «Матеріаловъ»:

Конецъ 50-хъ и 60-ые годы: «Полярная Звѣзда» Герцена, № 2.—«Заграничный Сборникъ» Франка.—«Русская Библіотека» В. Гергарда.—«Солдатскія пѣсни».—«Статскій армейскому», Берлинъ.—«Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія помѣщичьихъ крестьянъ», 3 тома.—«Емельянъ Пугачевъ честному казачеству и всему люду русскому шлетъ низкій поклонъ (прокламація, 1854 г.).—«Душе моя, душе моя возстани» (прокл., 1854 г.).—«Стрѣла» (1859 г., листокъ вышелъ въ Берлинѣ подъ ред. И. Головина).—«Вѣсть» (1862)·«Европеецъ» (1864 г.)—«Современность» (1868 г.)—«Отголоски русской печати» (издавалъ Шедо-Ферроти въ Бельгіи).—«Летучіе листки» (въ Гейдельбергѣ).—«Къ солдатамъ» (прокл. Шелгунова).—«Къ барскимъ крестьянамъ» (Чернышевскаго). — «Мужицкая правда». — Къ офицерамъ».—«Свобода», № 2 (изд. 1-го общ. «Земля и Воля»).—«Свободное Слово», журналъ Блюммера, 8 номеровъ.—«La Cloche» (62-64 гг. въ Брюсселѣ).—Кошелева «Какой исходъ для Россіи изъ нынѣшняго ея положенія», «Конституція, самодержавіе и земская дума», «Наше положеніе», «Объ общинномъ землевладѣніи въ Россіи», «Общая

Земская Дума», «Что же теперь?».— Шедо-Ферроти «Письмо Герцена къ русскому послу», Берлинъ, 1862 г. — П. Долгоруковъ «Правда о Россіи», 2 т.—Серно Соловьевичъ, «Окончательное рѣшеніе крестьянскаго вопроса», Берлинъ, 1861 г. — «Долго давили насъ, братцы», 1863 г. — «Западъ» (литограф. изд. 1863 г.) — Прокламаціи 1863 года: «Земля и Воля, временное народное правленіе», «Льется польская кровь, льется русская кровь», «Земля и Воля, свобода вѣроисповѣданія», «Свобода и независимость». — Руфинъ Піотровскій «Россія и Сибирь», 1864 годъ. — «Польская революція и гордіевъ узелъ европейской политики», Берлинъ, 1864 годъ.—Безобразовъ «Предложеніе дворянству», Берлинъ, 1864 годъ. — «15.000.000 достоянія, теряемаго русскимъ дворянствомъ», Берлинъ., 1864 г.—«Подпольное Слово» (газета подъ редакціей Елпидина, 1866 годъ, № 2). — «Бумаги по крестьянскому дѣлу», Дрезденъ, 1864 годъ.— Никифоръ Г*** «Правительство и молодое поколѣніе», 1866 г.— Н. Флеровскій «Свобода рѣчи, терпимость и наши законы о печати», 1869 г. — Матеріалы о процессахъ Михайлова (1861 г.), Вс. Костомарова, Зайчневскаго, Обручева (62 г.), Муравскаго (63 г.), Мартьянова, Баллода и Писарева, Иваницкаго, Н. Серно-Соловьевича, Н. Чернышевскаго, Шашкова, бр. Юнисовыхъ, Черняка (65 г.), Каракозова, Худякова (66 г.), Соколова (67 г.). Письма и карточки Чернышевскаго, Серно-Соловьевичей, М. Михайлова, Худякова. Юрасова, Каракозова, Шашкова, Соколова и др.

70-ые и 80-ые годы: Журналы Нечаева: «Народная Расправа», «Община», «Колоколъ».—«Отечество въ опасности» (изд. ред. «Набата», 78 г.).—Прокламаціи С. Нечаева, Долгушинцевъ и Ткачева. Листки «Земли и Воли», № 2, 3, 4. — «Основы будущаго соціальнаго строя».—М. Бакунина: «Наука и насущное революціонное дѣло», «Къ офицерамъ русской арміи», «Историческое развитіе Интернаціонала», «Анархія по Прудону». — Прокламація: «Мужичкамъ», «Студентамъ университета, академіи и технологическаго университета въ Петербургѣ», «Встрѣча», «Листъ до громады», «Къ русскому мѣщанству», «Благородное россійское дворянство», «Что же братцы !...».—Огаревъ «Будущность».—«Протестъ кн. Оболенской».—«Свобода», газета, изд. въ С.-Франциско въ 1872 г.—Ткачевъ: «Задачи революціонной пропаганды въ Россіи».—«Простая механика», «Что-то братцы», «Емельянъ Пугачевъ», «Сказка Мудрица Наумовна».—Шишковъ «Записки, мнѣнія, переписка», изд. Самарина, Берл. 1870 г. — «Интернаціоналъ или революція», литограф. изд. Цюрихъ 73 г. — «Письма А. Тургенева къ Н. Тургеневу», Лейпцигъ, 1872 г. — «О нападеніи «нечаевцевъ» на Утина, Цюрихъ. 1872 г.—Ткачевъ «Письмо къ Фр. Энгельсу», 1875 г. (кажется по нѣмецки). — (Кавелинъ) «Чѣмъ намъ быть?», отвѣтъ редактору «Русскаго Мира», Берлинъ.—Алисовъ «Сборникъ литературно-политическихъ статей». — Изданія «Русской Вольной Типографіи»: «Приказъ исправникамъ», «Русскіе отцы и матери къ русскому обществу», «Отчеты о засѣданіяхъ Особ. Присутствія Правит. Сената по дѣлу о револ. пропагандѣ въ имперіи», «Приказъ по войскамъ одесскаго военнаго округа», «Къ рабочимъ патроннаго завода отъ интеллигенціи» и другая «отъ товарищей», «Покушеніе на жизнь Тре-

нова», «Покушеніе на жизнь Котляревскаго», «Два засѣданія комитета министровъ», «Къ рабочимъ всѣхъ фабрикъ и заводовъ». — Изданія «Спб. Вольной Типографіи»: «Выигрыши послѣдней войны», «Студентамъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній», «Ко всѣмъ, кому вѣдать надлежитъ», «Къ обществу», «Убійство Мезенцева», Заживо погребенные». — «Народная Воля», «Листки Народной Воли». — Изданія типографіи «Народной Воли»: «Рабочая Газета», «По поводу взрыва подъ Москвой», «По поводу убійства предателя Жаркова», «Къ французскому народу, по поводу ареста Гартмана», «Честнымъ мірянамъ, православнымъ крестьянамъ и всему народу русскому объявленіе», «Фабричнымъ и заводскимъ рабочимъ«, «Офицерамъ русской арміи», «По поводу казни Желябова съ товарищами», «Украинскому народу». —«Черный Передѣлъ», № 3.—«Зерно».—Изданія «Чернаго Передѣла»: «Программа народной партіи», «По поводу 1-го марта», «Антиеврейскіе безпорядки».—Лавровъ: «18 марта», «Русскимъ Цюрихскимъ студентамъ».—Н. Чернышевскій «Община и государство».—Шеффле «Сущность соціализма». — «Прецессъ 21-го». — «Историческіе очерки Россіи» (1855-78 г., 5 т.).—«Василиса», романъ, изд. въ Берлинѣ.—«Мартовское движеніе студенчества Кіевскаго университета въ 1879 г.» — «Русская молодежь, правительство и общество».— «Отвѣтъ Черниговскаго земства».— Стефановичъ «Злоба дня». — «Разговоръ съ соціалистомъ-революціонеромъ», Берл., 75 г. — «Студенчество», 1882-83 гг., № 1-5. — «Рабочій», 1883 г., № 1. — «Свободное Слово», № 1-8. — Мальчинскій «Не знаю къ кому», 1883 г.—Г. Плеханова: «Ежегодный всемірный праздникъ рабочихъ». «Всероссійское раззореніе». — К. Марксъ «Рѣчь о свободѣ торговли». — «Первое мая и адресъ петербургскихъ рабочихъ Шелгунову, съ предисловіемъ Г. Плеханова». — Юзовъ (Каблицъ) «Основы народничества», «Народъ и интеллигенція». — «Союзъ», № 1, янв. 84 г., изд. моск. студ.—«Гомонъ, № 1.— «Оппозиціонные элементы и ихъ современныя ближайшія задачи».—«Рѣчь гласнаго Плевако».—Посланіе къ землякамъ-бѣлоруссамъ».—«Вольный Союзъ».—«Борьба общественныхъ силъ въ Россіи».—«Рабочій», № 1. газета партіи русскихъ соціалдемократовъ, 1885 г. — «Рабочая Заря», 1879 г. — «Журналъ политическихъ ссыльныхъ» и другіе сибирскіе тайные журналы. — «Политическій терроръ» (гектогр. изд. 1884 г.) — «Самозванные марксисты», 85 г. — «Печать и пессимизмъ», 1885 г. — «Процессъ 29-ти».—Л. Тихомировъ «La Russie sociale et politique». — «Соціальный Сборникъ», изд. въ Россіи народниками. — «Борьба», № 1-2, 1889 г. — «Знамя», № 1-22, 1889 г., Нью-Іоркъ. — «Уставъ боевой дружины рабочихъ» (1880 г.). — «Задачи боевой рабочей организаціи». — «Объяснительная записка къ программѣ рабочихъ членовъ партіи Народной Воли». — Программа партіи «Земли и Воли». — «Программа южнорусскаго рабочаго союза» и его прокламаціи.—«Мнѣнія земскихъ собраній о современномъ положеніи Россіи», Берлинъ, 1883 г.—«Изъ Сибири».1886 г.—«Пятилѣтіе новаго царствованія» (лит. брош. изд. въ Казани въ 1886 г. — «Объ изданіи Русской Соціально-Революціонной Библіотеки», 1880 г.— Обвинит. акты, отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ и другіе матеріалы по процессамъ Засуличъ, Ко-

вальскаго, Дубровина, Лизогуба, Соловьева, Чигиринцевъ, Мирскаго, Веймара, Россиковой Юрковскаго, Квятковскаго, Желябова, Лопатина, Ульянова, Малиновскаго, Обнорскаго, Щедрина, Суханова, Халтурина, Геккера, Дзвонкевича, Гориновича, Манучарова, Сигиды, Оржиха, Зотова и др.

90-ые и 900-ые годы: «Объ агитаціи», съ послѣсловіемъ П. Аксельрода, 1896 г.—«Рабочій день», 1895 г.—«Студенческій Вѣстникъ», № 1 (май) 1890 годъ, литограф. изданіе. — «Летучій Листокъ Народной Воли» (1892—1895 гг.), № 1-4. — «Отъ группы народовольцевъ» (по поводу голода).—«Къ молодежи».—«Свободное Слово», 1892. — Брошюры Ціона. — «Русскія Новости», изд. въ Нью-Іоркѣ. — «Что такое друзья народа и какъ они воюютъ противъ соціал-демократовъ, 1-3 выпуски, изданіе провинціальной группы соціал-демократовъ. — «Стачки и ихъ значеніе для рабочихъ».— «Касса, для чего она нужна рабочимъ и какъ ее устроить».— «Рабочій Союзъ».— «Порабощенный народъ».—М. Венюковъ «Изъ моихъ воспоминаній», Амстерд., 2 вып., 1896 г. — Лелива «Положеніе литовцевъ въ русск. государствѣ». — «Польскіе итоги», Лейпцигъ. — «Польскій вопросъ въ Россіи».—«Открытое письмо польск. соціалистовъ пятому интернаціональному конгрессу».— «Рабочая мысль», № 1-3, 5, 12-15. — «Впередъ», изд. Кіев. Ком. Р.С.-Д.Р.П.) № 2-4, 10.—«Южный Рабочій», № 2, 4-7, 9, 12.— «Рабочая Газета» (изд. Саратовской соц.-дем. группы). — «Нижегор. Рабочая Газета.»—«Рабочая Газета» (изд. Кіевской группы соц.-дем.) — «Наше Дѣло» (изд. Никол. «Южно-русск. Раб. Союза». — «Рабочая Воля» (изд. гр. «Рабочая Воля» въ Кіевѣ).—«Волна» (изд. моск. гр.).— «Рабочее Знамя», № 1. — «Голосъ Труда», № 2. — «Крестьянская газета», № 1-3. — «Рабочій летучій листокъ», изд. нижегор. группы соц.-дем.).— «Уставъ Союзной рабочей организаціи».— «Соціалдемокр. рабочая библіотека», № 1-3.—«Рабочіе Листки», Спб. Союза Борьбы. —«Къ русскому обществу».—«Листки Рабочей Воли». — «Къ членамъ Россійской соц.-дем. партіи отъ Польской Соц.-Демократіи.»—«Непримиримый», неперіод. изд., № 1, 1901 г. (гектограф.). — Прокламаціи и разныя издаваемыя *въ Россіи* газеты и листки «Росс. Соц.-Дем. Раб. Партіи», «Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза» и «Партіи Соц.-Революціонеровъ».

Въ заключеніе не можемъ не принести искренней благодарности всѣмъ лицамъ, приславшимъ намъ разныя рѣдкія нелегальныя изданія и просимъ ихъ продолжать присылку матеріаловъ, руководствуясь хотя бы вышенапечатаннымъ спискомъ.

Г. Куклинг.

Печатаются и скоро выйдутъ № 46 и 47 «Библіотеки Русскаго Пролетарія»:

Г. А. Куклинъ.

МАТЕРІАЛЫ

къ изученію исторіи революціоннаго движенія въ Россіи

Томъ второй (1854—1868 гг.)

Оглавленіе: А. И. Герценъ, «Полярная Звѣзда» и «Колоколъ».—Н. П. Огаревъ.—Н. Г. Чернышевскій.—«Народныя волненія въ началѣ царствованія Александра II.—Прокламаціи 60-хъ годовъ.—П. В. Долгоруковъ и его журналы. — Студенческія волненія при Николаѣ I и Александрѣ II. — Каракозовское дѣло и покушеніе Березовскаго.—Конституціонные адреса. — Польское движеніе при Александрѣ II и возстаніе 1863 г.—А. Серно-Соловьевичъ и его брошюры.

Томъ третій (1868—1877 гг.)

Оглавленіе: М. А. Бакунинъ.—«Народное Дѣло» и Народная Расправа» и С. Г. Нечаевъ. — А. В. Долгушинъ и его кружокъ.—П. Л. Лавровъ и журналъ «Впередъ».— П. Н. Ткачевъ и «Набатъ». — «Работникъ». — «Община».—Кружокъ «Чайковцевъ». — Народныя волненія въ концѣ царствованія Александра II.—Казанская демонстрація.—Процессъ 50-ти. — Южно-русскій рабочій Союзъ.—Процессъ 193-хъ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:

«Библіотека Русскаго Пролетарія»

№ 1. *«Пѣсни Жизни»*. цѣна 15 коп. 40 сант.
№ 2. *«Международные Соціалистическіе Конгрессы»*. Цѣна 30 к., 80 с.
№ 3. П. Свободинъ *«Бунтуютъ»*, разсказъ. Цѣна 10 коп., 25 сант.
№ 4. Г. Куклинъ. *«Нѣсколько словъ о празднованіи 200-лѣтія русской печати»*. цѣна 10 коп., 25 сант.
№ 5. *«Программы „Жизни", „Искры" и „Зари", съ приложеніемъ отзывовъ о нихъ»*. Цѣна 15 коп., 40 сант.
№ 6. *«Старая и новая программы „Рабочаго Дѣла"»*. Цѣна 8 к., 20 с.
№ 7. *«Программа и объявленіе о возобновленіи изданій группы „Освобожденіе Труда"»*. Цѣна 3 коп., 10 сант.
№ 8. А. Арну. *«Мертвецы коммуны»*. Цѣна 8 коп., 20 сант.
№ 9. *«Программа „Рабочаго Знамени"»*. Цѣна 3 коп., 10 сант.
№ 10. *«Манифестъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи (1898 г.)»* Цѣна 3 коп., 10 сант.
№ 11. Софья Бардина. *«Рѣчь на судѣ.»* Цѣна 3 коп., 10 сант.
№ 12. Петръ Алексѣевъ. *«Рѣчь на судѣ»* Цѣна 3 коп., 10 сант.
№ 13. М. Е. Салтыковъ. *«Повѣсть о томъ, какъ одинъ мужикъ двухъ генераловъ прокормилъ.»* Цѣна 3 коп., 10 сант.
№ 14. *«Изъ программныхъ статей „Земли и Воли"»*. 3 коп., 10 сант.
№ 15. К. Марксъ. *«Первый манифестъ международнаго товарищества рабочихъ»*. Цѣна 8коп., 20 сант.
№ 16. І. Ф. Беккеръ. *«Манифестъ къ земледѣльческому населенію.»* Цѣна 8 коп., 20 сант.
№ 17. *«Сборникъ программъ и программныхъ статей „Народной Воли"»*. Цѣна 20 коп., 50 сант.
№ 18. *«Изъ программныхъ статей „Чернаго Передѣла"»*. Цѣна 15 к., 40 сант.
№ 19. Ж. Гэдъ *«Коллективизмъ»*. Цѣна 10 коп., 25 сант
№ 20. К. Марксъ и Ф Энгельсъ. *«Манифестъ коммунистической партіи»* Цѣна 15 коп., 40 сант
№ 21. В. Поссе. *«Всеобщія стачки»*. Цѣна 40 коп., 1 фр.
№ 22. В. Либкнехтъ. *«Отъ обороны къ нападенію»*. Цѣна 30 к., 80 с.
№ 23. *«Обыскъ, тюрьма и ссылка»*. Цѣна 15 коп., 40 сант.
№ 24. Г. А. Куклинъ. *«Итоги революціоннаго движенія въ Россіи за сорокъ лѣтъ (1862-1902 гг.).»* Цѣна 3 руб. 20 коп., 8 фр.
№ 25. П. Лафаргъ. *«Право на лѣность»*. Цѣна 20 коп., 50 сант.
№ 26. А. Бебель. *«Женщина и соціализмъ»*. Цѣна: 2 руб., 5 фр.
№ 27. К. Марксъ. *«Гражданская война во Франціи (1870-1871 г.)»* Цѣна 40 коп., 1 фр.
№ 28. И. С. Мышкинъ. *«Рѣчь на судѣ»*. Цѣна 15 коп., 40 сант.
№ 29. Ф. Лассаль. *«Гласный отвѣтъ центральному комитету»*. Цѣна 20 коп., 50 сант.
№ 30. А. Д. Михайловъ. *«Воспоминанія»*. 30 коп., 80 сант.
№ 31. П. Лафаргъ. *«Религія Капитала»*. Цѣна 20 коп., 50 сант.
№ 32. *«Революціонныя пѣсни»*. Цѣна 10 коп., 25 сант.
№ 33. Ф. Лассаль. *«О сущности конституціи»*. Цѣна 15 к., 40 с.
№ 34. В. Либкнехтъ. *«Рѣчь о налогахъ»*. Цѣна 10 коп., 25 сант.
№ 35. К. Каутскій. *«Классовые интересы»*. Цѣна 15 коп., 40 сант.
№ 36. В. А. Поссе. *«Какова должна быть программа русскихъ пролетаріевъ?»* Выпускъ первый: 1) Названіе партіи, 2) Построеніе программы. Цѣна 30 коп., 80 сант.

№ 37. В. А. Посск. «*Какова должна быть программа русс пролетаріевъ?*» Выпускъ второй: Теоретическая часть грамматы. Цѣна 40 коп., 1 фр.

№ 38. В. А. Посск. «*Какова должна быть программа русс. пролетаріевъ.*» Выпускъ третій. 1) Самодержавная бур зія и буржуазное самодержавіе; 2) Средства и способы бор 3) Революція и народная воля. Цѣна 80 коп., 2 фр.

№ 40. Е. Анзель. «*Кооперація и соціализмъ.*» Цѣна 20 коп., 50 с

№ 41. Г. А. Куклинъ. «*Идеи „Жизни“*». Цѣна 15 коп., 40 сан

№ 42. М. Бѣлорусскъ. «*Рабочіе и Интеллигенція.*» Цѣна 30 к., 1

№ 43. В. Г. Короленко. «*Чудная*» (очеркъ). Цѣна 3 коп., 10 с

№ 44. К. Марксъ. «*Наемный трудъ и капиталъ*». Цѣна 20 к., 50 с

№ 51. Г. А. Куклинъ. «*Сѣверный Союзъ русскихъ рабочихъ и с панъ Халтурина.*» Цѣна 15 коп., 40 сант.

№ 52. Г. А. Куклинъ. «*Народныя волненія въ царствованіе Н лая I.*» Цѣна 12 коп., 30 сант.

№ 53. Г. А. Куклинъ. «*Петрашевцы*». Цѣна 15 коп., 40 сан

«Галлерея Русскихъ и Нѣмецкихъ Революціонеровъ»

1) Александръ Васильевичъ Долгушинъ.
2) Дмитрій Михайловичъ Рогачовъ
3) Ипполитъ Степановичъ Мышкинъ.
4) Яковъ Васильевичъ Стефановичъ.
5) Орестъ Эдуардовичъ Веймаръ.
6) Петръ Филипповичъ Якубовичъ.
7) Людмила Александровна Волкенштейнъ
8) Вѣра Николаевна Фигнеръ.
9) Софія Львовна Перовская.
10) Левъ Григорьевичъ Дейчъ.
11) Валерьянъ Андреевичъ Осинскій,
12) Петръ Сергѣевичъ Поливановъ.
13) Павелъ Ивановичъ Пестель.
14) Петръ Андреевичъ Каховскій.
15) Михаилъ Сергѣевичъ Лунинъ.
16) Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ Апостолъ.
17) Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ.
18) Сергѣй Григорьевичъ Волконскій.

Цѣна портрета на толстой бумагѣ 25 сант.; на тонкой 15 са

1) Августъ Бебель.—2) Вильгельмъ Либкнехтъ.—3) Юліусъ Моттел

Цѣна каждаго портрета 10 са

Печатаются слѣдующія изданія „Библіотеки русск. пролетар

№ 39. В. А. Посск. «*Какова должна быть программа русск пролетаріевъ.*» Выпускъ четвертый.

№№ 45, 46, 47, 48, 49 и 50. Г. А. Куклинъ. «*Матеріалы къ изуче исторіи революціоннаго движенія въ Россіи*» (шесть томс

№ 54. Г. Куклинъ. «*А. И. Герценъ.*»

№ 55. Г. Куклинъ. «*Н. Г. Чернышевскій.*»

№ 56. В. Посск. «*Теорія и тактика пролетарской соціалдемокра*

По всѣмъ дѣламъ, касающимся «*Библіотеки*» и «*Галлереи*», слѣду обращаться исключительно къ издателю по адресу:

G. Koukline 15, rue de Candolle, Genève (Suisse)